

Б. ИЛЬИН

САРАТОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Б. ИЛЬИН

САРАТОВ

*исторический
 очерк*

САРАТОВСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1952

ВВЕДЕНИЕ

Величественная картина открывается на исходе летнего дня с Соколовой горы, что возвышается над Саратовом с северо-востока.

Внизу, прямо перед нами, раскинулся один из самых больших и красивых городов Поволжья. Тысячи зданий, от маленьких одноэтажных домиков до многоэтажных громадин, занявших целые кварталы, заполняют всю огромную котловину, образованную полукружьем гор. Город уже не вмещается внизу, и сотни строений поднялись на горные склоны, далеко тянутся вниз по берегу Волги.

На широких прямых улицах много зелени, которая в городских садах и парках образует большие зеленые острова. А за ними вновь дома, заводские корпуса, какие-то причудливые сооружения. И уже у самого горизонта, в той стороне, где гора Увек круто спускается к Волге, чуть просматриваются все новые и новые корпуса, заводские трубы и вновь дома и дома. Чуть виднеются на горизонте кружевные сплетения моста, перекинувшегося на тот берег Волги, — это саратовский железнодорожный мост, один из самых больших в стране.

Широко и привольно несет свои воды красавица Волга. Десятки больших и малых пароходов, барж, белоснежных яхт, лодок движутся в разных направлениях по ее широким просторам. Множество судов стоят у причалов речного порта. На севере и на юге широкий водный простор сливается с горизонтом. А на востоке, на левом берегу, виднеется еще один большой город. Это Энгельс. Вои возвышаются огромные корпуса Энгельского мясокомбината. А дальше, за поросшими лесом волжскими берегами, видна на десятки километров бескрайняя рав-

нина заволжской степи. Какой беспредельный простор!
Как широка и прекрасна ты, наша великая Родина!

В глухую пору пришли сюда, к Соколовой горе, на пустынnyй берег великой реки русские люди.

Как неузнаваемо изменил этот край наш трудолюбивый, сильный, мужественный народ — народ-творец, народ-созиадатель.

Темные силы старого мира давили на его могучие плечи, не давая развернуть ему всех творческих способностей.

Но вот яркий свет бессмертных идей Ленина—Стилина озарил сознание миллионов людей, поднял их на героические битвы за социализм.

Прошло более трех десятилетий с тех пор, как трудящиеся стали хозяевами Родины. И раскрылся и расцвел творческий талант народа, и поразительно изменились города и села на советской земле, и неузнаваемо изменились и выросли сами люди.

Ты живешь, читатель, в этом городе или в области, носящей имя Саратова. Это твой дом, земля твоих отцов и дедов. Вглядись же в прошлое и настоящее своего родного города — его судьба во многом повторяет судьбу России. Погляди, как вырос и расцвел он в годы, когда хозяевами нашей страны стали трудящиеся, руководимые партией Ленина—Стилина, великой партией, которая ведет нас к сияющим вершинам коммунизма.

КОНЕЦ «ДИКОГО ПОЛЯ»

ВОЗНИКНОВЕНИЕ САРАТОВА

На карте нашей Родины середины XVI века вокруг Москвы обозначено много городов и сел. На юго-восток от Москвы их все меньше и меньше. Большое пространство от рек Северного Донца и Воронежа до самой Волги названо «Диким полем». Оно занимало значительную часть теперешних Ростовской и Воронежской и всю территорию Ставропольской, Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Куйбышевской и Ульяновской областей. «Дикое поле» было безлюдным краем. На севере его стояли нетронутые леса, на юге раскинулись бескрайние степи, поросшие высокими травами. Полноводные, изобилующие рыбой реки Битюг, Хопер, Медведица, Дон, Иловля текли мимо пустынных берегов, на которых не было ни городов, ни селений.

Не всегда этот край был пустынен. Уже за две тысячи лет до нашего летосчисления, как доказано археологическими исследованиями, здесь жило множество оседлых земледельческих племен.

В глубокой древности его густо населяли кочевые скифо-сарматские племена. Позже в донских степях появляются русско-славянские поселения.

Но прошли еще века. Из глубины Азии на нашу землю хлынули несметные полчища диких кочевников-монголов.

И тогда, в период тяжелого монголо-татарского ига, во время междуусобных опустошительных войн монголо-татарских властителей, богатый юго-восточный край был превращен в безлюдное, дикое поле.

В XVI веке крепнущее Московское государство, уже сбросившее ненавистное татарское иго и покорившее Казанское и Астраханское ханства, поставило задачу превратить Волгу в безопасный торговый путь на юг. В этих целях оно основывает на берегах великой реки города-крепости. «Дикое поле» охватывалось широким полукольцом таких городов с запада, севера и востока. За короткий срок, с 1586 по 1593 год, были созданы города-крепости: Белгород, Валуйки, Оскол, Ливны, Елец, Воронеж, Самара (Куйбышев), Царицын (Сталинград) и другие.

В 1590 году был основан и Саратов. Весной этого года второй воевода большого казанского полка князь Григорий Осипович Засекин и боярин Федор Михайлович Туров, а с ними царские служилые люди прибыли «на закладку города Саратова ставити».

О первом Саратове сохранились очень немногие сведения. До сих пор неизвестно точно, где он находился. Одни исследователи утверждают, что Саратов сначала был основан на левом берегу Волги, при впадении в нее речки Саратовки — примерно в двух километрах выше нынешнего г. Энгельса. Другие, наоборот, считают, что Саратов первоначально стоял на правом берегу Волги, недалеко от нынешнего села Пристанного, а позже был перенесен на левобережье. На правом же берегу значится Саратов и на картах начала XVII века.

Много споров вызывало также происхождение названия «Саратов». Вероятнее всего, слово «Саратов» произошло от монголо-татарских слов «сары» («желтый» — соответствующее русскому — «красный» в смысле красивый) и «тау» — гора. «Сарытау» в переводе на русский язык означает желтая, или красивая, гора. Очень вероятно, что имя городу дала Соколовая гора. Она «желтая» и в прямом и в переносном смысле слова: она желтая — глинистая, она и красивая. Соколовая гора господствует над большим пространством, её далеко видно и с Волги и из степей, — естественно поэтому, что она могла дать название городу.

Саратов, как и другие города-крепости, охранял восточную границу государства и защищал волжский торговый путь от нападения кочевников, живших в землях степей. Основное население его состояло примерно из 200—300 стрельцов. Жизнь в новом городе была труд-

ная и тревожная. Из степей каждую минуту можно было ожидать нападения кочевников. Жить приходилось «с великим бережением». Кроме охраны границы, в обязанности стрельцов входило сопровождать «государевы» и купеческие суда, ходившие по Волге.

Первый Саратов просуществовал недолго.

В самом начале XVII века в России вспыхнуло массовое восстание крестьян против непрерывно усиливающегося крепостнического гнета. Началась крестьянская война против бояр и помещиков, вскоре охватившая всю страну.

Этим воспользовались поляки и шведы, организовавшие интервенцию в России. Появились самозванцы — ставленники польских панов, претендующие на русский престол. Началось «великое московское разорение», конец которому был положен только в 1612 году, когда всенародное русское ополчение во главе с Мининым и Пожарским разгромило иностранных захватчиков.

В 1606 году все Нижнее Поволжье уже было охвачено восстанием против бояр. Жестоко подавленное, оно вновь вспыхнуло в 1608 году.

Зимой 1613/14 года, то ли в результате усилившимся нападений кочевников, осмелившихся во время крестьянской войны и иностранной интервенции, то ли от простой неосторожности, Саратов сгорел начисто. Примерно в то же время сгорел и сосед Саратова — Царицын.

Но недолго оставались пустынными берега великой реки. Волга с ее несметными рыбными богатствами, мощная транспортная артерия, связывающая центр страны с югом и востоком, вольные приволжские степи с их тучными черноземами, с неисчерпаемыми запасами великолепной соли — неудержимо притягивали к себе русских людей.

Проходит немного лет, и на ее берегах вновь один за другим встают города-крепости, растут вокруг них ремесленные посады, все чаще и чаще возникают сначала рыбачьи, а затем и земледельческие поселки.

В 1616 году одним из первых после «великого московского разорения» отстраивается Саратов. На мысу при впадении речки Саратовки в Волгу (на километр выше нынешнего г. Энгельса) возникает небольшая крепость, окруженная деревянным тыном.

Первоначально в городе жили немногим больше 500 служилых людей — пешие и конные стрельцы, пушкари. Они несли пограничную охрану, конвоировали волжские суда. Они же были и строителями города, и первыми рыбаками, и пахарями.

С годами население Саратова росло. Сюда приходил разный ремесленный люд из городов центральной России, бежали крепостные крестьяне на вольные волжские земли. Вокруг крепости начал разрастаться торжественно-ремесленный «посад».

По соседству с Саратовом, на берегах Волги, один за другим возникали рыбачьи поселки. Первыми волжскими рыбопромышленниками были монастыри. Они выпрашивали у царя в беспошлинное и безоброное пользование рыбные богатства, переселяли на Волгу монастырских крепостных крестьян, вели обширную торговлю рыбой.

Против Саратова, на правом берегу под Соколовой горой (на площади, где ныне находится здание Областного краеведческого музея), возник рыбный городок московского дворцового Новоспасского монастыря. Городок, состоявший первоначально из переселенных сюда монастырских крестьян, быстро рос за счет «прохожих всяких людей», беглых крепостных, селившихся здесь целыми семьями. Правительство до поры до времени не очень преследовало такое самовольное «переселение». Оно приказывало саратовскому воеводе созвать всех самовольных поселенцев и допросить, «кто откуда и сколь давно на Саратов жить пришли и дворами поселились и с которых городов и сел, и которые по сказкам объявляются Ломовского и Темниковского уездов... дворцовых сел крестьяне и тем велено жить около... дворцового рыбного городка и ведать их того промысла промышленниками и быть им в том городе для бережения неприятельских людей вместо наших дворцовых солдат, которые прежде посланы с Москвы».

Так еще при старом левобережном Саратове у Соколовой горы зарождался нынешний правобережный город.

Не в силах выдержать гнет помещиков и монастырей, самые смелые и решительные представители крестьянства бежали из центральных областей страны в вольные края — в донские и приволжские степи. Спасаясь от непосильных налогов и притеснений со стороны воевод и

купцов, бежали в «Дикое поле» и разоряющиеся ремесленники.

Здесь-то, в донских и приволжских степях, началось народное восстание под руководством Степана Тимофеевича Разина — крестьянская война против крепостничества, быстро охватившая весь юго-восток России.

Рано утром 15 августа 1670 года Разин с десятитысячным отрядом подошел к Саратову. Работные люди и стрельцы, с нетерпением ожидавшие прихода восставших, встретили Разина с хлебом-солью. Уже накануне они приставили к местному воеводе караул, чтобы он не убежал. Управлять городом стал казачий круг. Воеводская казна и имущество богатых были розданы бедному населению. Многие саратовцы вступили в войско Разина и участвовали в боях под Симбирском.

В начале зимы 1670 года многотысячное войско Разина встретилось у Симбирска с посланными на подавление восставших полками стрельцов и наемных иноземных солдат, хорошо обученными и вооруженными. В длительном, кровопролитном сражении восставшие потерпели поражение и стали отходить. На Дону Разин был схвачен зажиточными казаками и передан в руки царских палачей. Его подвергли жесточайшей казни. Сурово расправились и над восставшими — тысячи людей были замучены.

За активное участие в движении Разина многих жителей Саратова казнили, многих били кнутом и отправили на вечное поселение на Север.

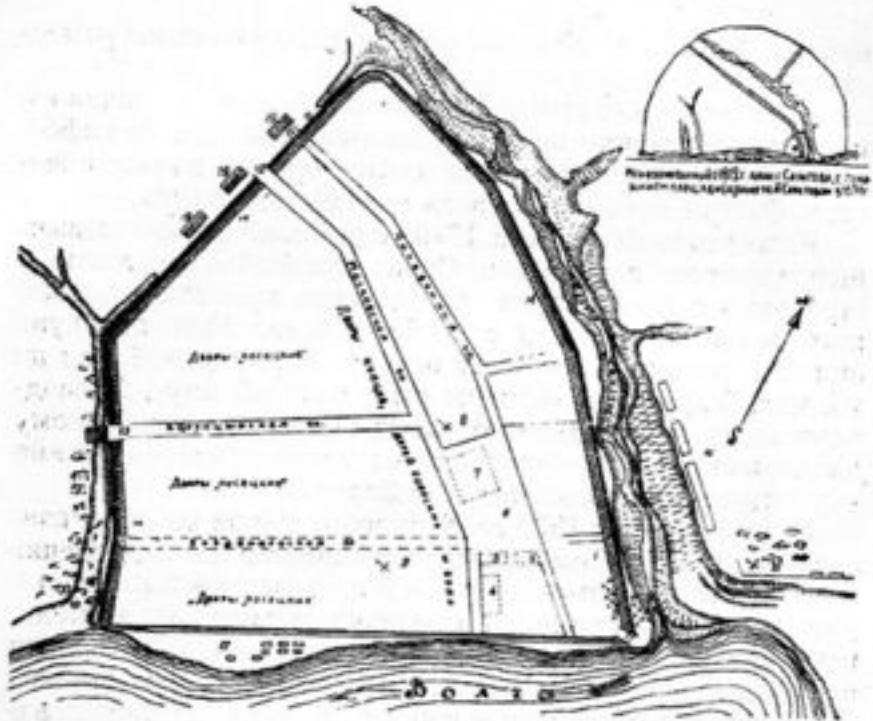
Крестьянское восстание во главе с Разиным потерпело поражение. Но в памяти нашего народа навсегда сохранился образ Разина, мужественного и благородного защитника всех угнетенных и обездоленных.

В старой русской песне «Есть на Волге утес» говорится:

И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.

В. И. Ленин называл С. Разина представителем мятежного крестьянства, сложившим голову в борьбе за свободу.

Участие в восстании под руководством Степана Разина было последней страницей в истории левобережного Саратова.

План Саратова конца XVII века.

1—2. Казанская церковь и кладбище. 3. Воеводский двор—канцелярия воеводы. 4. Казенные погреба для зерна и склады. 5. Губная изба—суд. 6. Троицкая церковь. 7. Гостинный двор. 8. Никольская церковь. 9. Крестовоизаволжская церковь. 10. Часовня у Московских ворот. 11. Казанские (кабашки) ворота. 12. Московские ворота. 13. Царицынские ворота. 14. Насыпной вал. 15. Богоявленский монастырь с соляными складами. 16. Горная слободка солзат. 17. Крестовоизаволжская слободка. 18. Буерак. 19. Налобы (укрепленные площадки при городской стене для отражения нападения на город).

Старая деревянная крепость к этому времени сильно обветшала. «На Саратове от воровских людей опасение большое, потому что город худ, острог весь развалился», — писал саратовский воевода. В 1674 году правительство распорядилось: «Саратов на горах делать новый».

Из верховых городов приехали плотники, стрельцы и разный рабочий люд и вместе с саратовцами начали строить новый город на правом берегу Волги возле Соколовой горы. Большой земляной вал в виде неправильного треугольника защищал новый Саратов от кочевников. Вал начинался от берега Волги, шел вдоль Глебучева оврага (там, где проходит нынешняя Валовая улица), затем сворачивал на юг, пересекал Московскую дорогу

(теперь улица Ленина) и по теперешней Октябрьской улице спускался к Волге. Затем, поднимаясь вверх по берегу Волги, вал замыкал треугольник. На валу было устроено несколько деревянных сторожевых башен и трое ворот — на Московской дороге (на пересечении нынешних Ленинской и Октябрьской улиц), на Царицынской дороге, шедшей вдоль Волги (ныне улица Чернышевского), и на берегу Волги.

Город был невелик. Жило в нем 500 стрельцов с семьями да несколько десятков рыбаков, ремесленников и других «работных людей», обслуживающих купеческие монастырские и «государевые» суда.

Центром города служила площадь (ныне Музейная), где находились воеводский двор, суд, склады для хранения боеприпасов, казны и различных ценных товаров. На этой площади размещался базар. Здесь наказывали преступников, а также неплатильщиков налогов и долгов. В городе было всего четыре улицы (слободы): Часовенная и Московская, параллельные Глебучеву оврагу. Царицынская и Воззвиженская, идущие вдоль Волги.

В Московской слободе находились дворы бояр, богатых купцов и стрелецких начальников. Дома у них были деревянные со стеклянными окнами. Вдоль Царицынской дороги стояли низкие и тесные лачужки посадских людей. Избушки топились по-чёрному — дым из печей, не имевших труб, выходил через двери. Окна затягивались пленками бычьих пузьрей. За городской чертой сразу же начинались густые леса, тянувшиеся на сотни километров.

Зимой город вел тихую жизнь. Весной же, как только Волга очищалась от льда, Саратов ожидал. К городу приставали караваны судов с московскими и южными товарами. На берегу нанимали бурлаков, принимали стражу, здесь шел шумный торг. С судов сгружали рыбью, соль, персидские шелка, пряности, сушены фрукты, чтобы направить их к Москве. Из-за Волги переправляли и гнали по Московской дороге табуны степных коней.

Саратов ближе к Москве, чем любой другой город Средней и Нижней Волги. Поэтому сюда и шел один из главных торговых сухопутных путей из столицы.

И все же в первые сто лет своего существования Саратов оставался небольшой волжской крепостью. Он по-прежнему должен был охранять волжский торговый

путь, наблюдать за степными кочевниками, волжскими и донскими казаками.

В конце XVII века в Поволжье создаются новые крепости: Сызрань, Петровск, Дмитриевск (Камышин), Красный Яр. От крепости Петровск на юг и на восток была проложена линия сторожевых слобод — Еткара (будущий Аткарск), Старые Бурасы, Лох, Гремячка, Казачка и др. В 1718—1720 гг. по приказу Петра I сооружается еще одна укрепленная линия, идущая от Царицына к Паншину (на Дону). Она надежно прикрывала Саратовское Поволжье с юго-востока.

С конца XVII века, все время усиливаясь, идет заселение Саратовского Поволжья. Первыми поселенцами были служилые люди, «пахотные солдаты». Переведенные с семьями на постоянное жительство в сторожевые слободы и остроги, они обязаны были нести военно-сторожевую службу. Вслед за служилыми людьми появляются помещики. Получая от царя, а то и просто захватывая большие участки земли, они переселяют сюда своих крепостных крестьян. От них не отстают монастыри. На жалованных им землях, на правобережье Волги, возникают села, состоящие из монастырских крестьян, перевезенных из центральных областей страны. Так появляются села Малыковка (будущий Вольск), Сосновый остров (Хвалынск), Воскресенское.

Одновременно идет стихийное заселение Нижнего Поволжья. Спасаясь от эксплуатации, сюда, на окраину, массами бегут крестьяне, посадские и служилые люди. Эти беглые крепостные и посадские люди образовывают все новые и новые русские села на Волге, Хопре, в Заволжье — на реках Большом и Малом Иргизах.

Проходит несколько десятилетий, и в Саратовском kraе насчитываются уже сотни сел и деревень. К середине XVIII века на территории будущей Саратовской губернии жило около 200 тысяч человек.

Русский пахарь разводил стада, самодельным деревянным плугом поднимал целину, сажал сады и огорода.

Пензенские, рязанские, московские, каширские, тульские землепашцы, переселенные на берега великой реки, становились искусными рыбаками. Дети их уже не знали тихих рек Подмосковья и росли настоящими волгарами. С ранних лет зарождалась и росла у них любовь к широ-

кому волжскому раздолью, к могучим просторам при-волжских земель.

Саратов оказался теперь в центре быстро заселяющихся земель. Он постепенно терял свое военно-сторожевое значение. Начиналась новая полоса в истории города.

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР НА ВОЛГЕ

С начала XVIII века Саратов быстро возвышается как торговый центр и важнейший перевалочный пункт. От Астрахани до Саратова и дальше на Симбирск параллельно Волге лег большой почтовый и торговый Астраханский тракт. К нему стягивались десятки дорог из деревень и сел. От Саратова шли большие торговые пути на Пензу, Тамбов и далее на Москву в центральные районы страны. К левому берегу Волги против города подходили дороги от заволжских соляных озер, из уральских казачьих станиц и вольных русских поселений на реках Большом Иргизе, Еруслане, Большом Узене. Город, лежащий на пересечении важнейших водного и сухопутных торговых путей, устанавливает тесные хозяйствственные связи с городами и селами, разбросанными на просторах огромного края.

Характеризуя торговое значение города, саратовские купцы писали: «В рассуждении простирающейся по реке Волге водяной коммуникации привозятся в тот город Саратов из верховых городов хлеб, лес и другие российские и иностранные товары, а из низовых, яко то Астрахани и прочих тамошних городов имеется соленая рыба с ее припасы, а при том через Астрахань из Персии и из прочих азиатских жительств шелковые и другие подобные тому товары».

В Саратов стали переселяться крупные купцы из центральных русских городов. Из среды саратовцев также выделялась преуспевающая и быстро богатеющая верхушка. Эта знать захватывала в свои руки главные и самые выгодные отрасли торговли, верховодила в городском управлении. Кроме этой небольшой кучки богатеев, добывали и накапливали деньги средние и мелкие торговщики.

В петровские времена большую часть центральной площади Саратова, называемой тогда «Гостиной», занимал деревянный «гостинный двор» с забором и несколькими воротами. Во дворе были устроены навесы от дождя и выстроены избы, в которых останавливались приезжие «торговые гости». Вдоль Московской улицы тянулись купеческие лавки, составлявшие длинную внутреннюю галерею «гостиного двора». Здесь совершались крупные сделки между местными и приезжими купцами, бойко торговали мелкие торговцы. Круглый год шумел базар. Особенно шумно было летом, когда в Саратов прибывало много волжских судов. В те времена часть Глебучева оврага была заполнена волжской водой, и сюда, как в удобную гавань, в течение всего лета входили не только лодки, но и мелкие суда. Дважды в год (в июле и октябре) в Саратове устраивались ярмарки, на которые съезжались не только купцы, но и помещики и крестьяне из окрестных сел и деревень.

В 1695 году на Гостиной площади было окончено строительство Старого собора (Троицкого)—самого древнего из местных архитектурных памятников старины. Он сохранился до наших дней.

Важную роль в развитии торговли в Саратове сыграли разработки соли на озере Эльтон, начавшиеся в 1747 году. На тяжелую работу по ломке соли вербовались главным образом беглые и беспаспортные. На возку соли правительство пригласило украинских крестьян-чумаков, обещая хорошие заработки. Тысячи чумаков с семействами стали переселяться на жительство в Поволжье, образовав множество украинских слобод и сел — Покровская (ныне г. Энгельс), Красноковка, Николаевск и другие.

«Теперь за Волгой, — писал путешественник академик Лепехин, — всюду видны были беспрерывные обозы, эзад и вперед идущие, и вся почти степь покрыта была пасущимися волами».

В Покровской слободе и в Саратове были выстроены склады, куда свозились сотни тысяч пудов соли. Для организации ее добычи и перевозок было учреждено в Саратове главное управление соляным промыслом, так называемое «соляное комиссариатство».

Около миллиона пудов эльтонской соли вывозилось ежегодно главным образом на подводах через Саратов в различные города страны. Этого количества соли хва-

тало для снабжения почти половины России. Местные и многие иногоордние купцы, а также дворяне занимались соляной торговлей, наживая крупные капиталы.

«Соляная и рыбная пристани, — отмечает академик Лепехин, — великое множество привлекают к себе народа, что служит немалой прибылью живущим в Саратове гражданам».

Во второй половине XVIII века в Саратове появились первые промышленные предприятия: канатная фабрика, два предприятия по выделке кирпича, шляпная и шелкомотальная фабрики, мыловаренный завод. На Увеке несколько лет работал селитренный завод.

Саратовский рабочий люд добывал себе пропитание на волжских пристанях, рыбных промыслах и на погрузке соли. Многие жители занимались хлебопашеством и огородничеством, обрабатывая пригородные земли.

В поисках заработка в Саратов прибывали новые люди. Часть из них оседала здесь на постоянное жительство. «Город Саратов, — доносила воеводская канцелярия, — против прежних лет... гражданином пополняется, боярами и пахотными солдатами и другими чинами перед прежним весьма пополняется же».

В 70-х годах XVIII столетия Саратов считался самым крупным после Астрахани городом Нижнего Поволжья.

По мере того как развивалась торговля, жизнь в Саратове становилась все оживленнее. Город разрастался. За Глебучевым оврагом на Соколовском предгорье выросла слобода, где жила преимущественно беднота и пахотные солдаты. Через овраг были перекинуты два моста. По берегу Волги вверх от Глебучева оврага и вниз от Московского до Бабушкина взвоза протянулись соляные и рыбные амбары. За городской вал на Московскую дорогу были вынесены кузницы, а затем мясные ряды. Вдоль этой дороги за валом тянулись домишками саратовской бедноты. Такие же дома появились за Царицынскими воротами. На северо-восток от городского вала за кузницами у Глебучева оврага постепенно вырастала татарская слобода, где останавливались приезжавшие торговать татары.

За городскими строениями на юг, вдоль Волги, росли густые леса, а между Московским и Царицынским трактами до Лысой горы лежала болотистая равнина,

План Саратова второй половины XVIII века.

1. Соловьевы и рабочие склады.
2. Преображенская монастырь.
3. Софийская слободка. 4. Немецкая слободка (первоначальная). 5—6. Огороды в садах. 7—8. Казанская и Приволжская мосты. 9. Казанская Улица. 10. Троицкий собор. 11. Городские ряды. 12. Никольская улица. 13. Женский Крестовоздвиженский монастырь. 14. Старопокровская Улица. 15. Сортировочная Улица. 16. «Шелти». 17. Овраг по Полинской улице. 18. Заселенные кварталы города. 19. Михаило-Архангельская церковь. 20. Монастырская часовня. 21. Кузница. 22. Кирпичные сараи в Глебучевом овраге. 23. Татарская слободка. 24. Цыганские ставны. 25. Немецкая слободка. 26. Капитальные фабрики. 27. Новые присутственные места. 28. Дом губернатора. 29. Болота (присутствия на этом месте Магнитогородской площадь). 30. Мельницы ветряные и кирпичные. 31. Туточная папиганья. 32. Салютопечные заводы. 33. Кожевенные заводы и жетирные склады. 34. Ильинская улица и кадабаша. 35. Стень. 36. Кадабаша.

заросшая травами. Здесь находилось несколько ветряных мельниц и крупорушек.

Так выглядел Саратов 200 лет назад.

Тяжелым несчастьем для Саратова были пожары, уничтожавшие иногда весь город. Летопись отмечает, что в мае 1712 года город «сгорел весь без остатку, и церкви тоже сгорели». В августе 1754 года громадный пожар уничтожил значительную часть Саратова. Сгорели «присутственные места», воеводская канцелярия, городское и духовное управление, соляная контора, множество жилых домов.

Не успели саратовцы полностью восстановить город, как новый огромный пожар в июле 1757 года снова истребил весь Саратов. Сгорело 1675 дворов. После этого пожара последовал указ сената о перепланировке города: «И в том городе Саратове на погорелых местах обывателям велеть строиться по силе указов и инструкций губернаторской и воеводской, чтобы улицы были с указанной широтой. А от имеющихся в Саратове соляных магазинов кои... состоят на нагорной стороне весьма близки к обывательским дворам и при нынешнем пожарном случае находились в крайней опасности, оставить от них порожнего места от ста до трехсот саженей».

Новая планировка должна была устраниТЬ скученность городских строений и одновременно переселить саратовскую бедноту за городской вал, подальше от центра города.

Так еще в XVIII веке Саратов начинает приобретать типичные черты дореволюционных городов — сравнительно устроенный центр, где проживали богачи и знать, и совершенно неустроенные окраины, где в жалких домишках ютилась городская беднота.

Два раза — в 1695 и в 1722 годах Саратов посетил Петр I. В июне 1695 года, направляясь в Азовский поход, молодой царь во главе 30-тысячного войска на 117 судах пришел к Саратову. Через Казанские ворота, по устланной красным сукном Казанской улице, Петр прошел в центр. Он осмотрел город, а на другой день поднялся на Соколовую гору. Взглянув на необъятный волжский пространство «с лесы, угоды, сенными покосы и рыбные ловли».

Саратов стал крупным землевладельцем, и многие его жители занимались земледелием.

В 1722 году, направляясь в Персидский поход, Петр Первый вновь посетил Саратов. Царю устроили пышную встречу. Ночью, когда флот Петра подходил к городу, на горах и на островах была устроена иллюминация. В этот приезд Петр подарил саратовскому коменданту, воеводе Беклемишеву, Зеленый остров, который долгое время носил название Беклемишевского.

Таковы важнейшие «события» Саратовской жизни конца XVII века и первых трех четвертей XVIII века. Самыми сильными потрясениями, которые испытывал Саратов за первые 70 лет XVIII века, все же оставались опустошавшие его систематические пожары.

Между тем в самой толще народных масс, задавленных гнетом крепостничества, назревал инцидент, поистине грандиозный пожар, который в короткий срок охватил огромные пространства страны и грозил дотла уничтожить Россию царских сановников, помещиков и купцов, — великая крестьянская война 1773—1775 гг. под руководством Емельяна Ивановича Пугачева.

Крестьянская война 1773—1775 гг. была отражением «стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета» (Сталин).

Она не привела и не могла привести к победе трудящихся, так как крестьянство без помощи и руководства пролетариата не может победить. А индустриального пролетариата в России тогда еще не было. Но она нанесла еще один удар крепостническому строю.

Явившись самым крупным событием народной жизни XVIII века, она потрясла до основания всю Россию, всколыхнув и подняв к активной борьбе население городов и сел на огромном пространстве — от Каспийского моря до Казани и Уральских гор.

Начавшись в сентябре 1773 года в Яицком городке (Уральск), пугачевское восстание быстро перекинулось на Урал и, поддержанное работными людьми уральских заводов и башкирами, первоначально ознаменовалось рядом блестящих успехов. Несмотря на сильные удары со стороны царских войск, Пугачев сохраняет и даже увеличивает свои основные силы. В июле 1774 года его многотысячная армия спускается по правому берегу Камы и штурмом берет Казань. Но вслед за этим войска правительства наносят повстанцам решающее поражение.

Пугачев переправляется на правый берег Волги и начинает движение на Москву, пополняя свой отряд восставшими при его приближении крепостными и ремесленниками.

Помещики в панике бегут в Москву и дальше, на запад. Самой Екатерине II царедворцы советуют перебраться «от греха подальше» из Петербурга в Ригу. Однако Пугачев понимал, что с небольшой армией ему нельзя рассчитывать на захват Москвы. Не принимая боя с преследующими его правительственными войсками, он у Карамыша круто поворачивает на юго-восток, начиная стремительный марш на Пензу, Саратов, Царицын, нигде подолгу не задерживаясь.

Пугачев спешит в низовья Волги, на Дон, в районы, охваченные массовыми крестьянскими восстаниями. Он рассчитывает собрать здесь большую армию, перезимовать и вновь перейти в наступление. А вслед за ним неотступно двигаются царские войска.

Вести о пугачевском восстании дошли до Саратова в октябре 1773 года. В церкви города много раз читали царские манифесты, «чтоб от самозванца отстали Емельяна Пугачева». Но саратовцы жадно ловили каждую весть о движении восставших. Симпатии бурлаков, ремесленников, солдат, крепостных и мелкого торгового люда были на стороне Пугачева. Напряжение в городе особенно усилилось, когда стало известно, что Пугачев скрылся Казань и переправился на правый берег Волги.

Между тем саратовское начальство — комендант города Бошияк и управляющий конторой опекунства иностранных поселенцев Лодыженский затеяли распри. Каждый из них требовал себе всей полноты власти, предлагал свой план обороны города. В спор вступил Г. Р. Державин, посланный в 1774 году главнокомандующим во главе вооруженного отряда в Малыковку (Вольск) с секретным поручением наблюдать за движением восставших и в случае поражения их — поймать Пугачева. Державин считал себя особо уполномоченным по всему краю и требовал, чтобы саратовские власти подчинились ему.

Тем временем Пугачев взял Пензу и Петровск. Путь на Саратов для него был открыт. Последовавшие затем события — падение Саратова и пребывание в нем Пугачева — замечательно описаны В. Я. Шишковым в историческом повествовании «Емельян Пугачев». Позво-

лим себе привести здесь выдержки из этого выдающегося произведения.

«На заре, 6 августа¹, пугачевская армия, в количестве от четырех до пяти тысяч человек начала приближаться к Саратову. Часть их шла по Московской дороге, а другая часть двинулась на Соколову гору.

Бошняк выслал вперед саратовских казаков и приказал им стараться забирать в плен мелкие передовые партии мятежников. Казаки поехали на Соколову гору и после встречи с пугачевцами почти все там остались. Два вернувшиеся казака объявили, что «государевы» командиры требуют доверенного человека для переговоров.

Эта весть, как на крыльях птицы, быстро облетела и защитников и жителей. Меж тем с Соколовой горы ударили по городу восемь пушек. До укрепленного района, где находился Бошняк, долетело лишь одно ядро. И все же среди защитников началось смятение.

...Жители сначала в одиночку, а затем и толпами начали перебегать в лагерь пугачевцев.

Вскоре, побросав свои посты, двинулись сдаваться в плен и воинские части. Прапорщик Соснин, находившийся на крайней батарее Бошняка, вместе с 12 канонирами и прислугой бросил свою батарею и направился к городским воротам.

— Эй! — кричал он городничему. — Живо отворяй ворота! Иначе в куски изрубим.

Но ворота уже и без того трещали: в них ломилась мятежная толпа. Ворота рухнули, часть пугачевцев кинулась по улицам.

...Видя появившихся в городе пугачевцев, все бывшие за укреплениями разночины и пахотные солдаты, а вслед за ними и триста шестьдесят человек нижних чинов под начальством двух офицеров и под предлогом вылазки устремились к Соколовой горе и там тотчас передались мятежникам.

...Пугачев в окружении яицких казаков приехал в город и в соборной церкви приводил жителей к присяге. Он приказал открыть амбары и соляные склады и выдавать народу хлеб и соль безденежно.

...По армии с утра производилось усиленное учение. Пугачевцы забрали в Саратове более тысячи ружей, много пороха, пять медных пушек — знай стреляй! Крестьяне

¹ 1774 г. — Б. И.

под руководством опытных казаков занимались учебой весьма охотно и с немалым успехом.

На следующий день Емельян Иваныч приехал со своими близкими к Троицкой церкви, там было спрятано Ладыженским двадцать шесть тысяч рублей денег медную монетою. Все деньги, а также двадцать тысяч кулей муки с овсом приказано было грузить на подводы.

...9 августа армия двинулась походом дальше¹.

Пока Пугачев был в Саратове, шедшие за ним по пятам царские войска не решались встретиться с повстанцами в открытом бою и остановились в 50 километрах от города. Но как только стало известно, что Пугачев оставил город, они двинулись к Саратову и 11 августа заняли его. Началась зверская расправа с участниками восстания, со всеми, кто помогал и сочувствовал Пугачеву. У Старого собора, на Соколовой горе на многочисленных виселицах качались повешенные. Горы трупов замученных карательями горожан валялись на площадях и улицах. Расправа продолжалась несколько дней. Тела убитых, привязанные к лошадиным хвостам, вытаскивали за город и бросали в Глебучев овраг.

24 августа 1774 года в бою под Сальниковой ватагой, в 100 километрах ниже Царицына, армия Пугачева терпит окончательное поражение. Сам Пугачев, переправившись с немногими уцелевшими людьми в Заволжье, бежал на Яик. Выданный затем приближенными атамана, он был схвачен и доставлен в Москву, где 10 января 1775 года, после мучительных пыток, казнен.

Началась ужасная, беспримерная по жестокости, расправа с участниками восстания и сочувствующими Пугачеву. По всему Поволжью и Уралу рыскали карательные отряды. Тысячи людей подвергались диким пыткам и истязаниям.

Больше года длилась расправа над участниками Пугачевского восстания. «При всех тех селениях, которые бунтовали, или хотя ослушными противу законного начальства оказывались, поставить и впредь не велеть снимать по одной виселице, по одному колесу и по одному глаголю для вешения за ребро» — гласил один из приказов карателей.

¹ В. Я. Шишков, Избр. соч., том VI, «Емельян Пугачев», Историческое повествование, книга 3, 1946, ГИХЛ, М., стр. 381—386.

Целые деревни и станицы стирались с лица земли. Сотни саратовцев после жестоких истязаний были отправлены на каторжные работы. Дворяне, досмерти напуганные пугачевским восстанием, теперь, оправившись от испуга, беспощадно мстили трудящимся.

Так окончилось великое народное движение XVIII века.

ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД

Годы, последовавшие за разгромом пугачевского движения, вошли в историю нашей страны как период дворянской диктатуры.

Государственная реформа, проведенная правительством Екатерины II, отдала в руки дворян все губернские и уездные органы управления. Власть дворян, их привилегии и влияние на все стороны государственной жизни увеличились.

Дворянство захватывало плодородные земли Саратовского Поволжья. Десятки тысяч десятин вместе с деревнями и селами становятся собственностью князей, графов, высокопоставленных чиновников. К саратовскому чернозему, как к средству поправить дела, тянутся сотни промотавшихся дворян из центральных губерний России. Это был один из многочисленных эпизодов «векового грабежа земель благородным дворянством» (Ленин).

Идет широкая торговля «живым товаром» — крепостными крестьянами. Помещики увеличивают барщину и оброк, расширяют запашки с целью получить побольше зерна для продажи.

Земледелие, как отмечал статистик начала XIX века, становится основной отраслью хозяйства, первым источником богатств Саратовского Поволжья.

Разоренный во время крестьянской войны, Саратов сначала медленно, а затем все быстрее начал подниматься. Торговая жизнь города, заглохшая на время (купечество потеряло в дни пугачевского восстания свои капиталы), вновь стала оживать.

Если раньше в Саратове главную роль в торговле играли соль и рыба, то в конце XVIII века все более видное место начинает занимать торговля зерном. Многие помещики, не удовлетворяясь продажей зерна, завели в своих имениях винокуренные заводы. Саратовские куп-

цы, скупая и перепродавая водку, наживали крупные состояния на винных откупах.

О торговой деятельности Саратова конца XVIII века в «Географическом словаре Российской государства», изданном в 1789 году, говорится: «...Живущих в сем городе купцов 129 человек, которые производят обыкновенную в лавках продажу, получая товары из Москвы и с ярмарок, или берут привозимые на судах, либо сухим путем, от купцов иного города. Мещан и цеховых 2503 души, из которых, кроме упражняющихся в ремеслах и мелочных перепродажах, большая часть содержит себя хлебопашеством и скотоводством, живущи в хуторах. Город сей, по положению своему, как он находится между Казанью и Астраханью на водяной коммуникации, так и по состоянию других выгодностей от великого стечения народа для привозу и отвозу соли и рыбы водою и сухим путем, так что зимнею порою въезжают и выезжают по тысяче и по две тысячи подвод каждый день, весьма хорош для торговли, ибо в нем можно получать всякую рыбу, Симбирской и Уфимской губернии товары, также товары Астрахани, или персидские и индийские, как-то: шелк, хлопчатую бумагу и пр., хлеб, масло, пеньку, сало, кости и всякий скот; для сего самого, кроме ежедневного торгу, бывает в нем июля 8 числа годовая ярмарка. Сверх сего в сем городе, при государыне Елизавете Петровне, учреждена соляная контора, «низовою» называемая, для добывания и привозу соли с Эльтонского озера и отвозу оной во все государство».

В январе 1780 года было учреждено Саратовское наместничество, преобразованное вскоре в губернию. В состав губернии вошли уезды: Саратовский, Хвалынский, Вольский, Кузнецкий, Сердобский, Аткарский, Петровский, Балашовский, Камышинский. В 1782 году в губернию был включен Царицын и образован Царицынский уезд.

Был установлен и губернский герб — щит с тремя звездообразно расположенными стерлядями — в знак рыбных богатств и значения губернии в рыбной торговле на Волге.

В границы Саратовской губернии вошли огромные пространства земель Заволжья и все Правобережье от Хвалынска до Волго-Донской укрепленной линии на юге — общей площадью 178 тысяч кв. верст. Эта

площадь превышала многие тогдашние европейские государства.

В Саратов из столицы на десяти возах были отправлены важнейшие законы, инструкции и уставы, необходимые для губернских учреждений. Указ Екатерины предписывал учредить губернский суд, открыть казначейство и архив, а также требовал, чтобы в новой губернии «в соли и вине ни малейшего недостатка не было».

3 февраля 1781 года состоялось торжественное открытие наместничества. Дворяне и духовенство после молебна поехали осматривать здание «присутственных мест». Это здание, где разместились губернские учреждения, находилось на месте теперешнего стадиона «Динамо». Здесь с основанием губернии начали создавать новый центр города.

В губернский центр потянулись помещики. Они строят здесь большие дома. В городе появляется много чиновников. Все это постепенно придавало Саратову типичные черты русского губернского города.

Было бы неверно думать, что в момент своего образования Саратовская губерния являлась одной из окраинных областей Русского государства. Нет. Это была коренная русская губерния, входившая в состав национального спаянного ядра России. На территории её жило 540 тысяч человек. Здесь были представители народов Поволжья — татары, чуваши, мордва, были и украинцы. Но подавляющее большинство населения составляли русские. Русская национальная культура, русский язык уже в момент образования губернии были господствующими. И господствующими не потому, что это была официальная культура и официальный язык государства, а потому, что русские имели здесь наиболее глубокие и прочные корни и уже придали всему этому краю свой национальный облик.

САРАТОВ В ДЕВЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

XIX век занимает особое место в истории нашей Родины. Начало его ознаменовалось небывалой до того времени по размаху и мощи Отечественной войны против Наполеона, войной, в которой русский народ разгромил и вышвырнул из пределов своей Родины полумиллионную армию захватчиков.

Но не это отличает XIX век от предыдущих периодов истории нашей страны. Это был век роста и утверждения капитализма в России.

Всю первую половину XIX века неуклонно продолжалось разложение крепостного строя и развитие в недрах его буржуазных отношений. Неизбежным результатом этого развития явилось падение в 1861 году крепостного права. Наступил новый, пореформенный, «капиталистический период русской истории» (Ленин).

В истории революционного движения вторая половина XIX века знаменуется героической, но обреченной на неудачу борьбой разночинной интеллигенции. Не понимая законов исторического развития, революционные интеллигенты считали, что свершить революционные преобразования может одно крестьянство под руководством интеллигенции.

В последней четверти XIX века на арену исторической борьбы вышли уже новые классы — буржуазия и пролетариат.

Одной из характерных черт в истории XIX века был расцвет русской национальной культуры, которая именно в этот период приобретает всемирно-историческое значение.

Кроме Петербурга и Москвы, в разных концах страны образуются областные культурные гнезда. Из этих «гнезд» выходят виднейшие представители русской философии, литературы, науки и искусства.

Развитие капитализма внесло глубочайшие изменения в жизнь городов. Те русские города, где в силу различных обстоятельств промышленность и торговля росли слабо, — застывали в своем развитии, отставали, превращались в глухие провинциальные углы. Наоборот, те центры, которые находились на пересечении важных торговых путей, где создавалась промышленность, — быстро росли и развивались, меняли свой облик, приобретая новые, типичные эпохи капитализма черты. Одним из таких городов становится Саратов.

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ПРОШЛОГО ВЕКА

Сначала медленно и мало заметно, а затем все явственнее изменяется хозяйственная деятельность Саратова. Постепенно он становится промышленным центром края. С каждым годом в городе появляются новые «фабрики и заводы». На первых порах это были карликовые предприятия, на которых трудились два-три рабочих, но встречались также предприятия, где было занято по 20—30 и более наемных рабочих.

В 30-х годах XIX века в Саратове насчитывалось 58 таких фабрик и заводов с общим числом 714 рабочих, в основном вольнонаемных, не крепостных.

Крупными отраслями саратовской промышленности уже тогда были мукомолье (в окрестностях города высились много ветряных мельниц) и канатно-веревочное производство. В Саратове имелось пять заводов, вырабатывавших в год 13 тысяч пудов канатов и 1700 пудов веревок, которые сбывались в Астрахань и другие волжские города и даже отправлялись в Петербург.

Саратов — родина знаменитой сардинки, прочной и красивой ткани.

В 40-х годах XIX века воронежский крестьянин Бокарев впервые применил прессование семян подсолнечника и положил тем самым начало новой отрасли промышленности — получению растительного подсолнечного масла.

Вскоре в Саратове появились первые купеческие «масленки».

Саратовская промышленность в те годы была занята в основном переработкой сельскохозяйственного сырья — зерна, шерсти, мяса, сала, кожи, пеньки. Это направление промышленности сохранялось впоследствии более столетия.

Став кустарно-промышленным центром края, Саратов не утрачивал, а, наоборот, непрерывно увеличивал свое торговое значение. Огромные массы самых разнообразных товаров прибывали в Саратов водным и сухим путями и отсюда направлялись в разные концы страны: До трехсот судов приставало в навигацию к саратовским пристаням; в город приезжали за товарами ежегодно до 110 тысяч подвод.

Саратовские купцы со сказочной быстротой наживали огромные состояния. Они торговали не только на общероссийском, но и на внешнем рынке.

Астраханская и уральская рыба, шерсть, сигарный табак отправлялись отсюда в Германию, Францию, Англию и другие европейские страны. На юг, в Персию и Индию, шли через Саратов российские и европейские товары. Внешнеторговый оборот саратовских купцов в 30-х годах XIX века составлял ежегодно 6 миллионов рублей. Громадные состояния наживали «толстосумы» на винных откупах, рыбной и соляной торговле.

* * *

С ростом промышленности и торговли Саратов непрерывно расширялся, менял внешний облик. Городское население быстро увеличивалось. В 1815 году в нем было 15 тысяч жителей, через десять лет — 27 тысяч, а в 1838 году — 49600 человек. В следующие 19 лет, с 1838 по 1857 год, население выросло до 75 тысяч человек.

В начале прошлого века город занимал территорию от Волги до современной Радищевской улицы и от Соколовой горы до Белоглинского оврага. Московская улица оканчивалась в то время новой «торговой площадью» (Верхний базар). Далее начинался большой почтовый и торговый тракт на Москву. Царицынская улица тянулась до Белоглинского оврага. По этой улице проходил почтовый тракт на Царицын. Параллельно ей по берегу

Волги от Московского до Бабушкина взвоза тянулись купеческие рыбные лабазы.

В городе появилось много новых больших и малых улиц. Знакомство с происхождением названий этих улиц (некоторые из этих названий сохранились до наших дней) проливает свет на жизнь Саратова того времени.

Многие улицы получили название от учреждений, которые здесь находились. Например, современная Советская улица называлась Консисторскою, так как на ней стояло здание духовной консистории (позже она называлась Константиновскою). По такому же признаку были названы Гимназическая (ныне Некрасова), Приютская (Комсомольская), Провиантская и другие улицы. По фамилиям владельцев домов — купцов, дворян, чиновников — получили названия улицы Бахметьевская, Бабушкин взвоз и т. д.

Названия некоторых улиц отразили занятия населения. В старину в Саратове занимались производством шелка. Оно не получило развития и заглохло. Но в XVIII веке у Лысой горы была разведена большая плантация тутовых деревьев, листьями которых питается шелковая прядь. Здесь же находились шелкомотальные мастерские. Все это со временем исчезло, но улица, возникшая на месте, где было производство шелка, и до сих пор называется Шелковичной.

На горах многие жители прежде занимались производством тулупов и полушибков. Улица, на которой особенно было развито это производство, получила название Тулупной.

Жители города, занимающиеся выделкой канатов, селились на нынешних улицах им. Сакко и Ванцетти и им. Пушкина. При обработке пеньки получался отход — кострига, которую выбрасывали перед домами. Поэтому улицы и назывались раньше Большая и Малая Кострижные. По производственному признаку получили названия Кирпичная, Кузнецкая, Мясницкая и другие улицы.

В начале XIX века сильно изменилась Гостиная площадь. Вместо старого деревянного здесь возвышался каменный Гостиный двор, напротив него — дома местных богачей. На площадь выходило также здание «главного народного училища», рядом с которым помещалась «казенная аптека с лабораторией».

На Московской, Покровской и других улицах около Волги жили купцы, стояли хлебные амбары, «питейные дома» и лавки.

Купцам принадлежали самые богатые дома. По внешнему устройству они походили на крепости. Окна на ночь запирались тяжелыми железными ставнями. Парадных не было. Вход в дом вел через калитку во двор, окруженный высоким забором. Калитки ночью, часто и днем, были заперты. Двери в дом были также железными. Ночью купеческие дома охранялись стражей.

Купечество жило замкнуто. Только на праздниках, да в случае свадеб или похорон у купца собирались гости. Купчихи и купеческие дочки большую часть жизни проводили дома, посещали лишь церковь или изредка выезжали в гости друг к другу.

Девятнадцатый век сломал этот стариный уклад купеческой жизни. Дома-крепости постепенно сменялись особняками, сияющими роскошью и комфортом. Купеческие поддевки уступили место европейским костюмам, детей с ранних лет стали обучать языкам, музыке, «хорошим манерам».

Но это была чисто внешняя культура. «Деловая» хватка купечества оставалась прежней — мертвая хватка жадного, не брезгающего никакими средствами ради наживы хищника.

Так, например, саратовский городской голова — богач Масленников начал свою карьеру с ограбления родной тетки, у которой рос и воспитывался. Затем он занимался изготовлением фальшивых денег. Нажив крупное состояние, Масленников выдал своих сообщников, а сам уехал на время в раскольничий скиты на Иргиз. Потом он опять появляется в Саратове, становится купцом первой гильдии и успешно обделяет торговые дела. Используя свои связи в торговом мире и влияние среди старообрядцев, Масленников становится городским головой.

Купечество прочно держало в своих руках город. За столетие — с 1787 по 1879 год саратовскими городскими головами были 22 купца. Гласными (депутатами) городской Думы являлись также почти исключительно купцы.

Если купцы хозяйничали в городской Думе, то дворянство прочно держало в своих руках управление губернией.

Как и по всей России, губернаторами в Саратове были исключительно дворяне. В их руках находились все важнейшие рычаги губернского административного аппарата.

Из саратовских губернаторов наиболее типичной фигурой являлся Панчулидзе, занимавший эту должность с 1808 по 1826 год. Служебную карьеру свою он начал с доходной должности советника Эльтонского соляного управления. Ловкий делец, Панчулидзе не только сумел нажить изрядное состояние, но и быстро выдвинуться по службе. Вскоре он становится губернатором.

Вступление в управление губернией Панчулидзе ознаменовал очередной жульнической махинацией. Он объявил в Саратове чуму, хотя никаких признаков страшной болезни не было. В самый сезон гужевых перевозок выезд и въезд в Саратов закрыли. Купцы терпели огромные убытки и не жалели денег на взятки. Карантин то снимали, то вновь устанавливали. Так продолжалось несколько месяцев. Организаторы и главные исполнители ловкой «операции» не только изрядно приумножили свои капиталы, но еще и получили чины, ордена и земли «за действия по прекращению чумы», хотя прекращать, собственно, было нечего.

Львиную долю всех выгод от этой махинации получил сам Панчулидзе. «Доходы» его начинают расти. Он заводит большое имение, винокуренный завод, строит в городе громадный дом, за городом — широкую дачу.

Панчулидзе умел извлекать личную выгоду из всякого общественного дела. Он продал, например, для открывавшейся в Саратове гимназии свой дом и ухитрился нажить на этом 90 тысяч рублей.

В доме его было 300 человек крепостной прислуги, свои музыканты и певчие.

Как Масленников среди «отцов» города, так и Панчулидзе среди губернаторов не составлял какого-либо исключения. Все они использовали пребывание у власти ради приумножения своих богатств, ревностно защищали интересы дворянства и самодержавия, ненавидели и нещадно эксплуатировали простой народ, не проявляя о нем никаких забот.

Дворянские дома были совершенно не похожи на купеческие. Дворяне-помещики жили на Приютской, Гим-

настической и на других улицах вблизи нового центра, но особенно много дворянских домов было на улицах, составлявших тогда южную окраину города, недалеко от Белоглинского оврага.

Город отводил помещикам земли, сколько им было угодно. На этих участках они стремились создать миниатюрные копии своих деревенских усадеб. Дворянские дома-усадьбы были большими, но одноэтажными (редко двухэтажными) с мезонинами, балконами и нередко флигелями. Балконы украшались обычно колоннадами. По обеим сторонам дома-усадьбы строились домики для дворни, разные службы, а вокруг разводились сады. Образчиком такого дома-усадьбы может служить сохранившийся до наших дней дом № 20 по Комсомольской улице, фасадом выходящий на улицу Мичурина.

До наших дней сохранилось много других купеческих и дворянских домов, а также общественных зданий того времени. Некоторые из них являются цennыми памятниками русского гражданского зодчества первой половины XIX века.

К числу таких памятников архитектуры прошлого относится бывший дом «винного откупщика» Устинова, немного позже капитально перестроенный по проекту талантливого русского архитектора И. Ф. Колодина (ученика и помощника знаменитого Воронихина). Это большое трехэтажное здание, в котором помещается теперь Областной краеведческий музей. Главный его фасад, украшенный десятью колоннами с коринфскими капителями, выходит на Музейную площадь.

Сохранилось также на Музейной площади в неизменном виде здание бывшего главного народного училища (впоследствии духовное). Здесь теперь помещается семилетняя школа № 25 им. Н. Г. Чернышевского. Это двухэтажное здание с мезонином и восьмиколонным портиком — типичная постройка русского губернского города первой половины прошлого века.

Эти два здания дороги нам еще потому, что они хранят память о великом саратовце. В них помещалась позже саратовская духовная семинария, в которой в 1842—1846 гг. учился Николай Гаврилович Чернышевский.

Характерным для первой половины XIX века является сохранившееся здание бывшего дворянского собрания

(улица Ленина 55). Когда-то здесь отдыхали и развлекались дворяне-помещики. Теперь в этом здании Дом культуры трудовых резервов.

* * *

Кустари, мелкий торговый и рабочий люд ютились в ветхих деревянных домишках, расположенных на «горах», у Глебучева оврага, в Цыганской, Мясной и Кузнецких слободах, а также у Белоглинского оврага. Улицы здесь были кривые, неодинаковой ширины, дома то собирались в кучу, то разбегались в полном беспорядке. Дома возводились по произволу владельцев — там, где кому покажется удобным. Многие дома стояли прямо посреди улицы. Дворы были огорожены плетнем и часто тоже выходили на самую середину улицы. Никаких мостовых не было.

Саратовский писатель С. А. Макашин так описывал жилище бедняка: «В домике было всего-навсего два окна; в окнах любознательный путешественник... мог найти три, четыре стеклянных звена; в прочих отверстиях рам, вместо стекол, играла значительную роль сахарная бумага; зимой бумагу тщательно срывали, а отверстие затыкали тряпками. Сеней и крыльца тут никогда не существовало; ходили в избу прямо со двора, предварительно ступая на обломок жернового камня. Внутренность избы, которую хозяева, вследствие маленького тщеславия, величали «горницей», состояла из одной только половины... Тут помещались русская печь, полати, несколько лавок по стенам. Двор был очень маленький, всего в четыре квадратных сажени; на дворе не было никаких пристроек, необходимых в хозяйственном быту. Беден был хозяин этого имения, пусто было у него в домике, пусто и на дворе»¹.

Не только на окраинах, но и в центре Саратов был совершенно неблагоустроен. На улицах застои воды — топи и трясины. В дождливое время по многим улицам ездить и ходить удавалось с большим трудом. Помещичьи экипажи, запряженные тройкой или

¹ М. А. Воронов и С. А. Макашин, Рассказы о старом Саратове, стр. 166, Саробиздат, 1937.

Один из лучших памятников гражданского зодчества первой половины XIX века. Здесь находилась духовная семинария, в которой учился Н. Г. Чернышевский. Сейчас в этом здании Областной краеведческий музей.

четверкой лошадей, еле добирались к плохонькому деревянному зданию театра на Театральной площади — грязь была буквально по колено. Чиновники ходили на службу в присутственные места в охотничих сапогах. Так было во вновь созданном центре города. Можно представить, что же было на окраинах, где жила городская беднота.

Лишь во второй половине прошлого века начали мостить некоторые главные улицы. Вот что об этом говорил в 1871 году современник:

«На 43 версты длины всех улиц центральной части города вымощено примерно всего 11 верст, но и на этих улицах, за исключением одной или двух, следовало бы исправить мостовую заново. Все же остальные улицы покрываются обыкновенно со вскрытием весны страшно грязью, и при этом, что особенно важно, не только заражается воздух вредными испарениями, но и значительно

ухудшается самое качество воды в реке, в которую, по наклонному положению города, стекают нечистоты»¹.

Водопровода в Саратове тогда не было. В городе, стоящем на берегу Волги, чистая питьевая вода являлась дорогим удовольствием. Большинство населения пользовалось водой из колодцев. Но подпочвенная вода была плохая. Жители прибрежных районов предпочитали брать воду из Волги. Хорошая, чистая вода находилась в родниках, в изобилии бывших из Лысой горы. Однако ее нужно было возить за 3—4 километра. Позволить себе такую роскошь могли только богатые.

И только в 1844 году был построен первый водопровод. Вода по деревянным желобам подавалась из родников у Лысой горы на Сенную площадь. Еще через два года деревянные желоба были протянуты до нового центра города (до нынешней площади им. Кирова). Этим на многие годы и ограничились заботы властей о снабжении водой непрерывно увеличивающегося населения города.

По вечерам город погружался в полную темноту. Жизнь на улицах замирала. Только в доме дворянского собрания или у губернатора горели огни и гремела музыка.

Грязный, неблагоустроенный, лишенный элементарной медицинской помощи, Саратов часто становился жертвой одной из самых страшных эпидемических болезней — холеры. С 1830 по 1892 год холера вспыхивала в Саратове в среднем через каждые 6 лет.

Каждая эпидемия уносила тысячи и тысячи жизней, главным образом трудящегося населения города. В грязных лишенных самого необходимого санитарно-медицинского обслуживания кварталах, населенных беднотой, от холеры умирали целыми семьями.

Особенно сильной была эпидемия 1830 года, когда за один месяц в Саратове погибло 10 тысяч человек — более четверти всего населения города. Холера свирепствовала весь август, и только в первой половине сентября прекратилась. И лишь тогда из Петербурга прибыла комиссия из врачей и фельдшеров с медикаментами.

Так «заботились» «отцы города» о трудящихся.

¹ Саратовский край, Исторические очерки, воспоминания, материалы, вып. 1, стр. 143, Саратов, 1893 г.

ОБЛАСТНОЙ КУЛЬТУРНЫЙ ОЧАГ

За многие века своего исторического развития русский народ создал великую культуру, уходящую своими корнями в глубокую древность.

Мы, советские люди, гордимся и восхищаемся прекрасными творениями древних русских зодчих и живописцев, старинными преданиями и героническими былинами, величавыми народными песнями, в которых звучит и широкое раздолье нашей земли, и сила, и благородство русской души.

Русский язык, «великий, могучий, правдивый и свободный», не имеет себе равных по богатству, выразительности, гибкости, звучности.

Уже в X веке на Руси существует письменность, в XI—XII веках она получает широкое распространение — Киевская Русь в культурном отношении стояла в первом ряду европейских государств.

Монголо-татарское иго надолго затормозило развитие русской культуры. Но умертвить, уничтожить ее поработители не смогли, она оказалась неизмеримо выше культуры монгольских завоевателей. И даже под тяжким монголо-татарским гнетом, хотя и медленно, продолжалось на Руси развитие письменности, зодчества, живописи, народного творчества, зачатков наук.

Но вот приходят к концу годы владычества монголо-татарских завоевателей. Москва собирает русскую землю в единое централизованное государство. И вместе с этим бережно собирается драгоценное культурное наследие прошлого, усиливаются культурные связи с Западной Европой.

Последующие века русской истории — это время все ускоряющегося роста и расцвета русской культуры.

Из народного песенного творчества выросла музыка Глинки и Мусоргского, Римского-Корсакова и Чайковского. Старинные песни, былины, предания питали великую литературу — литературу Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Тургенева, Достоевского и Льва Толстого, Чехова и Горького. Громадных успехов достигли театр и живопись.

Самодержавно-помещичий строй царской России глушил народные таланты, старался держать трудящихся в невежестве, лишал их возможности пользоваться куль-

турными ценностями. Но талантливость русского народа преодолевала и эти препятствия. Из глубин народных выходят все новые и новые деятели, приумножающие славу нашей науки, искусства и литературы.

Развиваясь в тесной связи с передовыми течениями европейской мысли, русская культура и наука в свою очередь оказывают громадное воздействие на культурное развитие народов и Запада и Востока.

Придя на берега Волги и осваивая богатый юго-восточный край, русские люди принесли сюда не только земледелие и ремесла, но и свою национальную культуру. В Поволжье один за другим рождаются и разуют культурные очаги. Одним из них становится Саратов.

Письменные документы, сохранившиеся в государственных архивах, показывают, что уже в XVII веке среди саратовцев были грамотные люди. Своеручные подписи саратовских служилых людей в первой половине XVII века поражают своей каллиграфической стройностью и изяществом. Так могли подписываться только люди, привыкшие к письму. Следовательно, начало распространения в Саратове элементарной грамотности — чтения, письма и счета — надо отнести к середине XVII века.

Само собой возникает вопрос: если не было официальных школ, то какими же путями проникала грамотность в среду саратовского городского населения?

Первыми учителями саратовских «вынош» были монастырские служители. Затем, с увеличением потока русских поселенцев в Поволжье, в волжские города бегут из центра России многие грамотные люди, в чем-либо не поладившие с царскими воеводами. Круг грамотных людей расширяется. С расколом русской православной церкви во второй половине XVII века и началом преследования противников церковных реформ Поволжье становится одним из излюбленных мест поселения старообрядцев. Среди них было много не только грамотных, но и образованных по тем временам людей. Они привозят с собой книги, главным образом, духовного содержания, создают в Саратове частные школы, в которых учатся дети горожан — прежде всего купцов, которые сами в большинстве были раскольниками. Школы эти были невелики, в каждой из них при одном учителе находилось обычно 5—8 учеников.

Но не только история распространения грамотности показывает культурный рост Саратова начиная с XVII века. Старинные песни, сказки, предания и другие устные памятники народного творчества, дошедшие до наших дней, говорят о большом художественном вкусе и о широком жизненном кругозоре их первоначальных авторов.

Кто они — авторы этих старинных песен и сказаний? Это простые русские люди — крестьяне, ремесленники, выражавшие думы народа о родине, о причинах народных бедствий, о судьбах России.

История почти не сохранила нам материальных памятников саратовской старины. Причина этого — многочисленные пожары, не раз уничтожавшие город. Единственным архитектурным памятником, сохранившимся до наших дней, является старый собор, заложенный в 1685 году. Собор этот носит черты древнего ярославского зодчества и строился, видимо, по архитектурным замыслам ярославских мастеров.

Все это говорит о том, что еще в допетровскую эпоху Саратов развивался не только как торговый центр, но и как один из многочисленных очагов русской национальной культуры. Русские люди, создавшие на берегах великой реки один из своих городов, принесли сюда не только трудовые навыки, ремесла и земледелие. Обживая этот ранее дикий край, пробуждая к жизни и ставя на службу русскому государству его богатства, они несли с собой и развивали здесь русскую национальную культуру.

В 1786 году в Саратове было открыто так называемое «Главное народное училище» — первое в городе официальное учебное заведение. Оно совмещало в себе и начальную и среднюю школу. Официально в училище могли поступать дети всех городских сословий, но фактически учились здесь сыновья чиновников, духовенства и мелкопоместных дворян. Богатые помещики и крупные чиновники обучали своих детей дома или в частных пансионах в Петербурге и Москве.

Обучение же детей городского купечества, мещанства и ремесленников и после открытия главного училища по-прежнему находилось в руках частных учителей-старообрядцев.

Общий рост русской культуры в XIX веке привел к глубоким изменениям в культурной жизни Саратова.

В 1820 году народное училище было преобразовано в мужскую гимназию. Для подготовки лиц духовного звания в 1830 году была открыта духовная семинария. Одновременно в первые десятилетия XIX века возникает несколько частных пансионов с программой, приближающейся к гимназическому курсу.

Царское правительство не считало нужным обучать детей из «простонародья». «Народные училища» с двух- и трехгодичным обучением открывались в основном на средства городской Думы. Всего с 1786 по 1864 год, т. е. почти за столетие, было открыто пять начальных школ. В них в 1865 году обучалось 634 человека. И это на 75 тысяч жителей!

Но все же в Саратове уже в 30-х годах XIX века действовало несколько учебных заведений.

Пройдет еще немногих лет, и из саратовской «глуши» начнут один за другим выдвигаться люди, чьи имена станут известны всей просвещенной России, и не только России.

Наряду со старинными культурными очагами нашей страны, такими, как Ярославль, Тверь, Архангельск, Киев, быстро развивались новые — Казань, Одесса, Воронеж, Харьков, Нижний Новгород, Иркутск. И среди этих новых областных культурных гнезд Саратов занимает не последнее место.

Как выше говорилось, в первые десятилетия прошлого века в Саратове открылось несколько школ, в том числе две средних. Это было очень мало для большого губернского и торгово-промышленного центра. И учили в этих школах плохо, духовно калечили молодежь. Но уже десятки юношей могли получить в гимназии и семинарии среднее образование.

Из таких губернских гимназий и духовных семинарий, наряду с верными слугами церкви и самодержавия, вышли выдающиеся деятели революционной демократии — Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Антонович, Благосветлов, Иринарх Введенский, Помяловский и другие. Царское правительство стремилось воспитать из гимназистов и семинаристов послушных чиновников, защитников и проводников церковного дурмана. Но наиболее честные, талантливые и сильные духом из этой молодежи становились борцами против мракобесия и самодержавия.

Среди преподавателей саратовской гимназии и семинарии мы встречаем не только реакционеров-чиновников, отуплявших молодежь. Были среди них образованные культурные люди, хорошие педагоги. Таким, например, был наставник Чернышевского и Благосветлова — профессор саратовской гимназии Гордей Семенович Саблюков, крупный востоковед и археолог. Это человек больших и разносторонних знаний, владевший несколькими восточными языками, умный и талантливый педагог. Он, между прочим, посещал дом отца Чернышевского и, заметив необычайную талантливость его сына, помогал юноше в изучении языков и истории. Он же дал ему первые навыки научной работы.

Письма молодого Чернышевского из Петербурга в Саратов к Саблюкову показывают, что, будучи студентом, великий саратовец сохранил глубокое уважение к своему бывшему учителю и наставнику.

1-я саратовская гимназия в середине прошлого века считалась одной из лучших в Казанском учебном округе, куда входил и Саратов. Конечно, и здесь было немало невежественных и бездарных педагогов, и здесь, как и в семинарии, царила муштра и зурбажка. Но были и знающие, любящие свое дело преподаватели.

Директором саратовской гимназии был некоторое время И. П. Менделеев — образованный и передовой педагог, отец великого русского химика Д. И. Менделеева.

С весны 1851 по май 1853 года в гимназии преподавал Н. Г. Чернышевский.

В 1831 году в Саратове открылась первая публичная библиотека, с несколькими десятками книг. Позднее были созданы гимназическая и семинарская библиотеки. В библиотеках преобладали книги духовного содержания и разный литературный хлам, вроде «Сокровища сладчайшего утешения против ужасов смерти», «Победа над смертью», «Жития Афонских святых», «О воздыхании голубицы или о пользе слез», «Самоучитель неопытных юристов» и т. д. Хороших книг было мало. В городе имелось также несколько богатых частных библиотек, принадлежавших крупным чиновникам и помещикам.

Для широких народных масс библиотеки были совершенно недоступны.

В 1830 году купец Бакуров, бывший крепостной, открыл книжную лавку с платной читальней. По тем

временам Бакуров был культурным продавцом. В его читальне нередко обсуждались литературные и политические новости. В лавке наряду с лубочными изданиями продавалась научная литература, книги лучших русских и иностранных писателей. В год смерти Пушкина в окне лавки Бакуров выставил рисунок, изображавший кончину великого поэта. Если учесть отношение к Пушкину официальных властей, это был поступок «предерзостный».

Еще в 1794 году в Саратове была открыта первая типография. В ней размножались бумаги губернского правления. В 1838 году типография начала печатать первую в Саратове газету «Саратовские губернские ведомости». Газета делилась на две части: официальную, заполнявшуюся разными правительственными и губернскими распоряжениями, царскими манифестами и указами, и неофициальную, которая называлась «Прибавление к Саратовским губернским ведомостям». В «Прибавлениях» помещались статьи и заметки по истории местного края, его экономике, описание городов и деревень, рассказывалось о достопримечательностях и природе губернии, давались различные хозяйствственные советы.

Позднее, в 1863 году, в городе стала выходить первая частная газета «Справочный листок города Саратова» (впоследствии «Саратовский листок» либерально-буржуазного направления).

В 1816 году губернатор Панчулидзе построил на площади, где ныне находится театр оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского, здание, по внешнему виду напоминавшее неуклюжий деревянный сарай. Здесь сначала по праздникам, а затем 3—4 раза в неделю давала публичные представления труппа крепостных актеров. Театр Панчулидзе просуществовал 18 лет, а затем начал переходить от одного предпринимателя к другому. Играли в нем попрежнему артисты из крепостных — или откупившиеся на волю, или платившие своему барину-помешчику оброк. Жили актеры в тяжелой нужде и бедности.

Предприниматели смотрели на театр исключительно как на доходное дело. Репертуар подбирался такой, чтобы привлечь побольше зрителей. На сцене разыгрывались пустые французские водевили, драмы с «демоническими» страстями, ужасами и злодействами.

Наряду с этим уже в 40-х годах на сцене театра исполнялись такие замечательные спектакли, как опера «Аскольдова могила» Верстовского, «Ревизор» Гоголя, «Разбойники» Шиллера и др.

В 1859 году здание театра пришло в негодность и было продано на слом. Взамен его построили новое громадное деревянное здание. Но этот театр просуществовал недолго, в 1862 году он сгорел. В 1865 году было построено новое, на этот раз каменное здание. В этом здании, значительно реконструированном в годы Советской власти, помещается теперь театр оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского.

Таким образом, уже в середине прошлого века Саратов выступает как один из культурных очагов Поволжья. В нем имелись две средних и несколько начальных школ, театр, две типографии, газета, книжная торговля, библиотеки.

При всем этом мы не должны забывать, что культурные ценности были доступны ограниченному кругу представителей привилегированных сословий. Для основной же массы городского населения, для трудящихся, доступ ко всем культурным благам был закрыт. И прежде всего был закрыт доступ к образованию.

Царские власти считали, что для простого народа проповедование является иенужной и вредной роскошью. Неграмотных, темных людей было легче держать в повиновении. В результате такой политики большинство саратовского населения оставалось неграмотным.

И кто сосчитает, сколько тысяч талантливых людей погибли в нищете и бесправии, лишенные малейшей возможности получить даже первоначальное образование. Сколько тысяч людей, которые могли бы составить славу и гордость своего отечества, были раздавлены бесправием и гнетом антинародного самодержавно-помещичьего строя крепостнической России!

Но удивительно талантлив русский народ. Едва успел Саратов оформиться в качестве одного из культурных центров Поволжья и первые десятки юношей смогли получить здесь среднее образование, как из этого ранее ничем не знаменитого города вышла целая плеяда молодых талантов, занявших почетное место в истории русской культуры и науки.

В середине XIX века из Саратова в Петербург один за другим приезжают Иринарх Введенский, Г. Е. Благосветлов, Н. Г. Чернышевский, А. И. Пыпин и другие. Все они вскоре заняли выдающееся положение в литературной и общественной жизни столицы.

Первое место среди них принадлежит Николаю Гавриловичу Чернышевскому, одному из величайших представителей русского народа.

Великий русский революционный демократ, философ, историк, экономист, писатель и критик, Н. Г. Чернышевский являлся вождем и властителем дум трудовой русской революционной интеллигентии России 60-х годов прошлого века.

Карл Маркс в своем бессмертном труде «Капитал» посвятил Чернышевскому строки, полные глубокого восхищения, называя его «великим русским ученым и критиком»¹.

Ленин высоко ценил Чернышевского как философа и революционера демократа, называя его «великим русским писателем», глубоким мыслителем, находившимся на уровне «цельного философского материализма... Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»².

«Чернышевский, — писал Ленин, — ...сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы»³.

В. И. Ленин видел в Чернышевском одного из величайших представителей нашего народа, давших «великие образцы борьбы за свободу и за социализм»⁴.

В суровые дни 1941 года товарищ Сталин назвал Чернышевского в числе людей, составляющих славу и гордость великой русской нации.

Советский народ глубоко чтит память Николая Гавриловича Чернышевского, великого патриота, предшественника марксизма в России. О нем написаны сотни книг и статей. Имя Н. Г. Чернышевского, его замечательная

жизнь, его великий научный и революционный подвиг для счастья народа и своей горячо любимой Родины известны миллионам людей. Поэтому в настоящей книге мы ограничимся лишь краткой биографической справкой о Чернышевском, касаясь главным образом саратовских периодов его жизни и деятельности.

* * *

На углу нынешних улиц Чернышевского и Некрасова находится небольшой дом. Здесь 12 июня 1828 года в семье священника родился Николай Гаврилович Чернышевский. В этом доме он провел детские и юношеские годы.

В отличие от подавляющего большинства священнослужителей отец Чернышевского был человеком культурным и образованным. Он владел несколькими языками и хорошо знал литературу и историю.

Семья Чернышевых принадлежала к разночинной интеллигенции. Здесь ценили и уважали труд, презирали барство, уважали знания, которые завоевывались упорством и трудом. «Простой человеческий взгляд на каждый отдельный факт жизни господствовал в этой семье. Мои старшие были люди в здравом уме», — писал Н. Г. Чернышевский в автобиографии¹.

Начальное образование Николай Гаврилович получил дома под руководством отца. С ним он изучил родной язык, а также латинский, греческий и французский. Позднее, дома же, он изучил немецкий, древнееврейский, татарский, арабский и персидские языки.

У отца Чернышевского была одна из самых богатых частных библиотек города, пополнявшаяся книжными новинками. Здесь юноша Чернышевский, с детства полюбивший книги, познакомился со многими научными сочинениями и произведениями классиков русской и французской литературы.

В 1842 году Чернышевский поступил в саратовскую духовную семинарию, но учился здесь недолго. Не желая быть священником, он оставил духовное учебное заведение, чтобы поступить в университет.

В детские и юношеские годы Николай Гаврилович наблюдал и тяжело переживал картины нищеты и бес-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 13.

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 346.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 224.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 85.

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. I, стр. 684, Москва 1939.

правия трудящихся — саратовских ремесленников, крепостных крестьян, волжских бурлаков. Юношу уже тогда волновали социальные вопросы. Он решил посвятить себя служению родине, борьбе за освобождение народа.

В 1846 году 18-летний Чернышевский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Вскоре он писал в Саратов: «Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделенное этого?»¹.

Период пребывания Чернышевского в университете характеризовался нарастанием гневного протesta крестьян против крепостничества. Передовая интеллигенция России в лице Герцена, Белинского и их последователей выступала с революционной проповедью. Ширялось революционное движение на Западе.

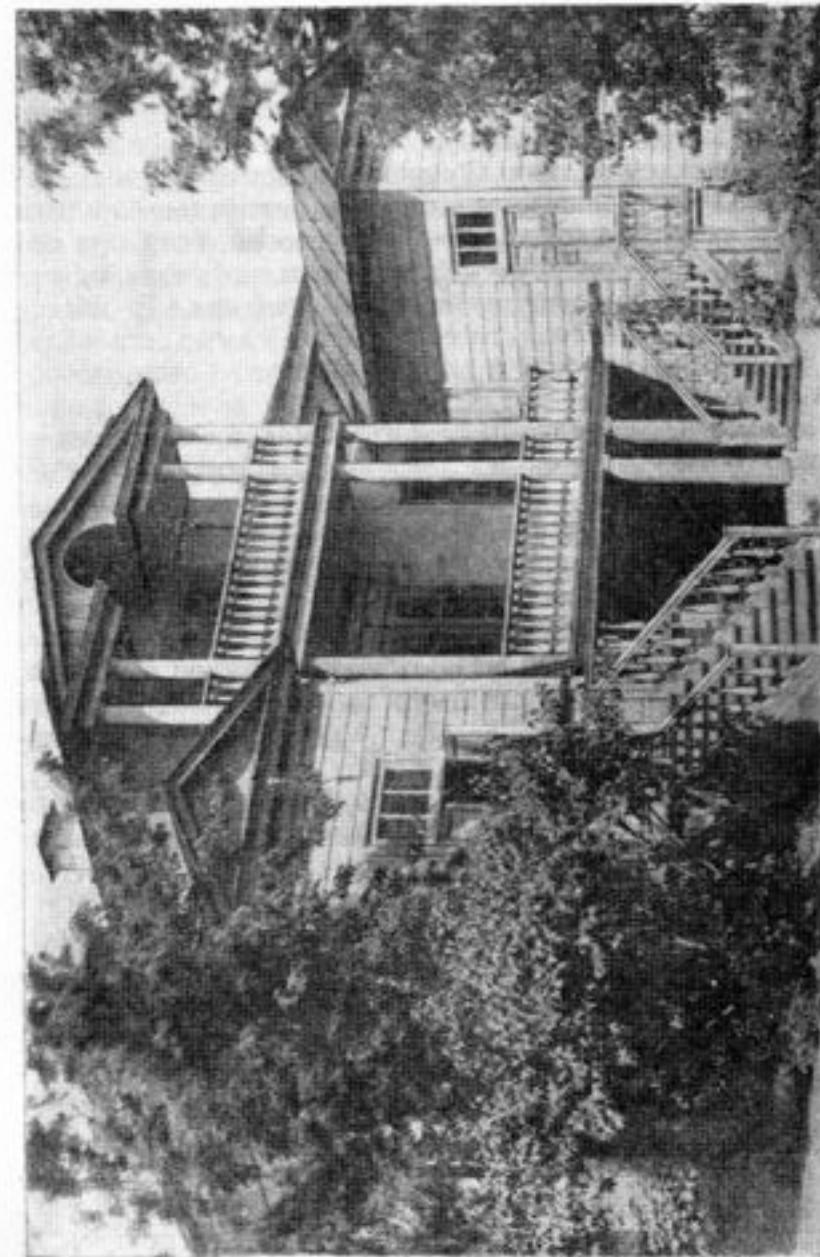
В Петербурге Чернышевский знакомится с учением европейских социалистов-утопистов, изучает философские труды Герцена и Белинского, изучает и критически пересматривает взгляды Гегеля и Фейербаха, экономические теории западноевропейских буржуазных экономистов. Он сближается с участниками революционного кружка петрашевцев.

Через пять лет молодой Чернышевский возвращается в родной Саратов. Теперь это был человек не только огромных знаний, но и глубоких революционно-демократических убеждений, ненавидевший царизм и крепостнические порядки. Два года (с 1851 по 1853) Николай Гаврилович учителяствовал в саратовской гимназии. Она находилась в доме № 17 по нынешней улице им. Некрасова.

Писатель М. А. Воронов рассказывал о Чернышевском-учителе: «Это была свежая, молодая натура, полная сил и энергии, человек, обладавший огромными специальными и энциклопедическими познаниями, что и заставило его довольно скоро выбрать более широкую арену для своей деятельности. Но и в то недолгое время, которое учитель пробыл в нашей гимназии, глубоко была потрясена им старая система воспитания и память о нем навсегда сохранилась между его учениками.

...Все изменилось на время под благотворным влиянием этого умного, гуманного человека. В учениках своих

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. XIV, стр. 48.

Дом, в котором родился и провел свои летские годы Н. Г. Чернышевский.
В наши дни — Дом-музей Н. Г. Чернышевского.

он умел развить охоту к чтению, постоянно прочитывая сам различные книги и, кроме того, снабжая ими желающих. Уроки всегда рассказывались им с такою ясностью и так понятно, что каждый мог повторить их, не прочитывая по книге. Кроме своего предмета он сообщил нам необходимые понятия почти о всех науках, показав в то же время метод к изучению их и степень важности каждой во всеобщем знании. С какою радостью мы встречали всегда этого человека и с каким нетерпением ожидали его речи, всегда тихой, нежной и ласковой, если она обращалась к нам лично, и живой и понятной, если он передавал нам какие-нибудь научные сведения. В классе господствовала мертвая тишина; даже самые шаловливые мальчики затихали и напрягали слух, боясь проронить хотя одно слово...

Чернышевский знакомил своих учеников с передовыми демократическими идеями. Директор гимназии Мейер жаловался: «Какую свободу допускает у меня Чернышевский. Он говорит ученикам о вреде крепостного права. Это вольнодумство и вольтерьянство. В Камчатку упекут меня за него».

Ломая традиции официальной реакционной школы, Чернышевский старался вызвать у гимназистов интерес к общественным вопросам. По его собственным словам, он говорил ученикам такие вещи, которые «спахнут катогрой».

Саратов не мог удовлетворить Чернышевского. Его тянуло в столицу, к широкой общественной и литературной деятельности. Весной 1853 года он переезжает в Петербург.

Огромные знания, блестящий литературный талант, страстная и непримиримая революционная убежденность вскоре выдвигают Чернышевского как идеиного вождя демократического движения страны. Вместе с Некрасовым он становится во главе лучшего прогрессивного журнала того времени «Современник». Из-под его пера одно за другим выходят такие выдающиеся произведения, как «Эстетические отношения искусства к действительности», «Очерки гоголевского периода в русской литературе», «Антрапологический принцип в философии» и другие. В этих работах Чернышевский выступает как великий мыслитель и революционер-демократ.

Чернышевский был социалистом-утопистом. Он думал, что можно осуществить социальные преобразования без пролетариата, через крестьянскую общину. Но он стоял неизмеримо выше социалистов-утопистов Западной Европы, которые рассчитывали осуществить свои идеи путем переубеждения власти имущих.

«...Чернышевский, — писал Ленин, — был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹.

Классик русской философии, Н. Г. Чернышевский дал уничтожающую критику идеализма Гегеля, вскрыв его реакционный характер и основное противоречие гегелевской философии — противоречие между системой и методом. Он показал также ограниченность и абстрактность философии Фейербаха.

Страстная революционная проповедь Чернышевского, его непримиримость к угнетателям завоевали ему громадную популярность среди передовой демократической интеллигенции России. Он становится общепризнанным властителем дум и вождем всех революционных сил страны.

Реакционеры боялись Чернышевского и решили расправиться с ним. Летом 1862 года он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

В крепости им написан знаменитый роман «Что делать?», имевший огромное революционизирующее влияние на молодежь не только в России, но и на Западе. Виднейший деятель международного рабочего движения Георгий Димитров в 1935 году писал: «Роман «Что делать?» еще 35 лет тому назад оказал на меня лично... необычайно глубокое, неотразимое влияние. И должен сказать, ни раньше, ни после не было ни одного литературного произведения, которое бы так сильно повлияло на мое революционное воспитание, как роман Чернышевского... И для меня нет никакого сомнения, что именно это благотворное влияние в моей юности очень помогло моему воспитанию как пролетарского революционера, и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 97.

находило свое выражение в дальнейшем в моей революционной борьбе в Болгарии и на лейпцигском процессе¹.

В мае 1864 года, после гнусной комедии «гражданской казни», когда Чернышевский был приставлен к позорному столбу на одной из площадей Петербурга, его отправили в Сибирь для отбывания каторги и вечной ссылки.

Гневом и болью отзывалось это гнусное надругательство царизма над великим сыном русского народа в сердцах передовых людей России. В одном стихотворении того времени, посвященном Чернышевскому, говорилось:

Прощай, идя в далекий путь,
Верь — не одна болит здесь грудь,
Верь, не одни скрежещут зубы...
Сибирский снег нас не страшит —
Но пусть же тайно кровь кипит
И пусть на время сжаты зубы...

Правительство запретило печатать сочинения Чернышевского. Воспитанникам саратовской семинарии, где учился Чернышевский, закрыли доступ в университет. Но уничтожить память о великом революционере царизму не удалось. Переписанные от руки сочинения Чернышевского широко распространялись среди революционно настроенной молодежи.

Почти 20 лет царское правительство продержало великого революционера и мыслителя на каторге и в заключении. И только в 1883 году больного Чернышевского жандармы перевезли из холодной Якутии в жаркую Астрахань. К тяжелым болезням, полученным им в Сибири, здесь прибавляется еще и малярия. Ему попрежнему запрещают печатать свои работы. Только в июле 1889 года уже совсем больному Николаю Гавrilовичу разрешают вернуться домой, в родной Саратов.

17 октября 1889 года (по старому стилю) Чернышевский умер.

Скорбная весть о кончине великого революционера облетела всю страну. В Петербурге, в Москве, Одессе, Дерпте, Харькове состоялись траурные демонстрации. В Петербурге среди демонстрантов шли и революционно настроенные рабочие.

¹ «Комсомольская правда» от 30 мая 1935 г.

К Саратову в эти дни были обращены взоры всех передовых людей России.

Над Волгой, где-то там вдали,
Свершается обряд печальный:
Писатель умер там опальный —
Углас старик многострадальный
И верный сын родной земли.

Чу... погребальный звон далекий...
Туда, туда наш вздох глубокий
Хоть ты, о Волга, донеси...

Ни жуткая Каирская каторга, ни дикие условия Вилуйского острога не сломили непреклонной воли Чернышевского. В долгие годы сибирской ссылки и в короткий последний период жизни в Астрахани и Саратове он с непреклонной настойчивостью продолжал работать, писать, заниматься переводами. Он до конца жизни оставался верным своим революционным убеждениям, до последнего вздоха сохраняя непоколебимую веру в светлое будущее своей родины, неиссякаемую любовь к народу и ненависть к его угнетателям.

В центре саратовского кладбища возвышается темно-красный каменный мавзолей. Гранитные ступени ведут к черному мраморному обелиску с бронзовым барельефом Николая Гавриловича. Внутри мавзолея на белой мраморной плите вычеканены золотые слова: «Я хорошо служил своей Родине и имею право на признательность ее».

Да. Он заслужил признательность Родины. Эта могила дорога и знакома не только саратовцам. Много тысяч советских людей со всех концов нашей необъятной страны побывали здесь, чтобы поклониться праху достойного сына великого русского народа.

Саратовцы бережно хранят память о своем выдающемся земляке. Именем его назван Саратовский Государственный университет, театр оперы и балета, школа, в здании которой учился Николай Гаврилович, улица, где он родился и рос, одна из площадей города.

25 сентября 1920 года В. И. Ленин подписал декрет, объявивший дом, где родился и провел детские и юношеские годы Чернышевский, «национальным достоянием республики».

Когда-то в мрачном каземате Алексеевского равелина Чернышевский написал пламенные слова, прозвучавшие

во всей России: «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его...»

Сбылось пророчество Чернышевского. Мы, счастливые потомки великого революционера, граждане страны социализма, можем с гордостью сказать: «Да. Наше настоящее светло и прекрасно, но еще прекраснее наше будущее. И мы любим его и стремимся к нему. Под руководством великой партии Ленина — Сталина мы горячо и радостно работаем, чтобы приблизить наше будущее — солнечный и радостный мир коммунизма».

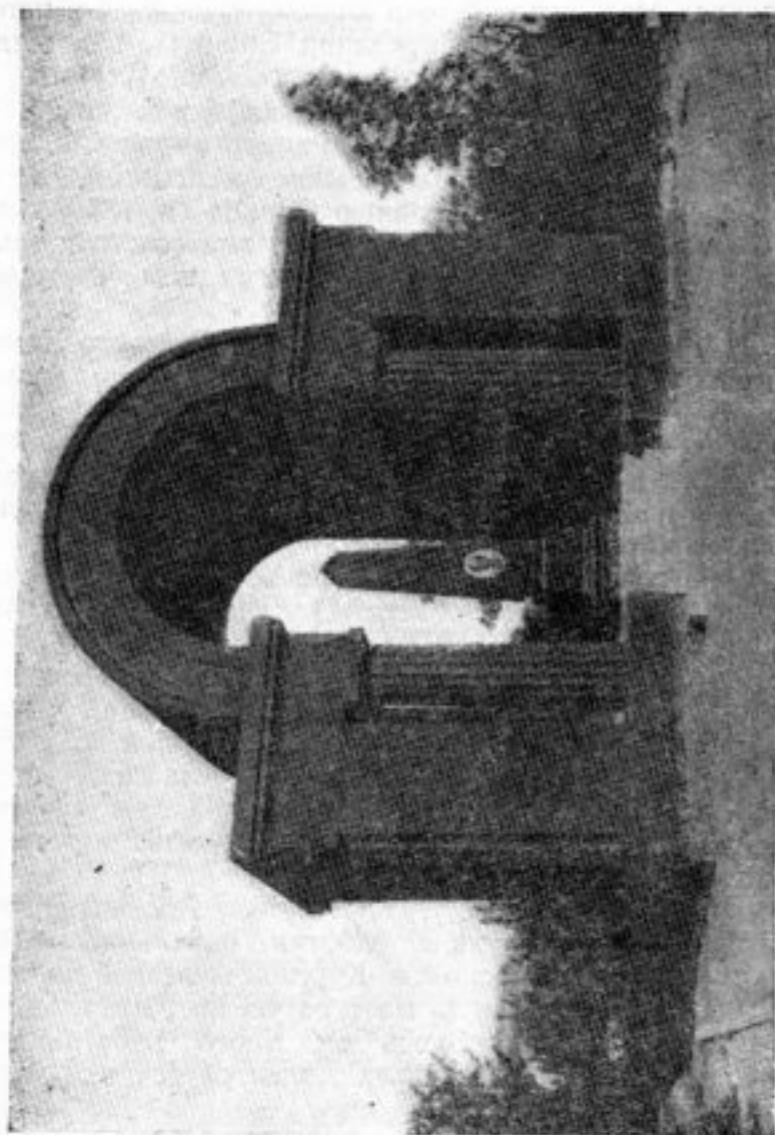
Среди выдающихся ученых, литераторов и общественных деятелей, которых дал в XIX веке нашей родине Саратов, почетное место занимает великий химик-органик Николай Николаевич Зинин (1812—1880 гг.). В Саратове он провел детство и юность, окончил гимназию.

По окончании Саратовской гимназии в 1830 году Зинин поступил на физико-математический факультет Казанского университета. Его выдающиеся способности и трудолюбие обратили на себя общее внимание профессоров. Двадцати двух лет Зинин кончает университет со степенью кандидата и золотой медалью.

Начинается большой и славный путь Н. Н. Зинина в науке. Сначала он преподавал в университете физику и механику, а затем — химию. Вскоре Николай Николаевич подготовил свою первую научную работу по химии и блестяще защитил диссертацию на степень магистра естественных наук. Потом следует трехгодичная научная командировка за границу.

В 1840 году Зинин возвратился на родину, защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию и получил в Казанском университете место профессора химической технологии. Зинин начинает исследования нитробензола, уже через год принесшие ему мировую славу. В 1842 году он опубликовал в «Известиях Академии наук» первое сообщение об открытии им новой реакции. Это была реакция искусственного получения анилина — одного из важнейших органических веществ.

За несколько лет Зинин опубликовал ряд работ, посвященных анилину. Работы эти явились научной

Памятник над могилой Н. Г. Чернышевского в Саратове, установленный в 1939 году.

основой современной химической промышленности органических красок, лекарственных препаратов, взрывчатых веществ, фотографических материалов и многих других современных химических производств.

Великое открытие русского химика, вошедшее в историю науки под названием «реакции Зинина», положило начало гигантскому развитию химической индустрии.

Впоследствии Зинин заведовал кафедрой химии в знаменитой Петербургской медико-хирургической академии. В 1858 году его избрали членом Академии наук.

По предложению и указанию Зинина в 1853 году впервые в мире проводились опыты технического применения нитроглицерина — основы всех главных взрывчатых веществ современной техники.

Н. Н. Зинин был первым президентом Русского Химического общества. Он являлся не только великим исследователем, но и воспитателем целого поколения выдающихся русских химиков-органиков. Его первым учеником был А. М. Бутлеров, творец теории органической химии. Благодаря работам Зинина русская химическая наука приобрела мировое значение.

В Саратовской гимназии несколько лет учился великий электротехник, изобретатель и ученый Павел Николаевич Яблочков (1847—1894 гг.).

Из пятого класса гимназии П. Н. Яблочков перешел в петербургское военное инженерное училище, после окончания которого находился на военной службе, учился в офицерских гальванических классах — первом в Европе учебном заведении, готовившем специалистов по применению электричества в военно-инженерном деле.

Военная карьера не удовлетворяла Яблочкова, он уволился с военной службы, работал начальником мастерских телеграфа Московско-Курской железной дороги, потом открыл собственную мастерскую по изготовлению физических приборов. Здесь он много работал над усовершенствованием дуговых электрических ламп, здесь же у него созрела идея создания источника света, получившего впоследствии название «свеча Яблочкова».

Электрический источник света Яблочкова, названный за границей «Русским светом», произвел переворот в мировой электротехнике, открыл широкий путь применения

электроэнергии, в частности переменного тока для практических нужд. «Свеча Яблочкова», созданная им индукционная катушка (прообраз современного трансформатора), а также ряд других его крупных изобретений и открытых положили начало развитию новой отрасли производства — электропромышленности.

В экономически отсталой России того времени не были реализованы технические идеи П. Н. Яблочкова. Царское правительство, раболепно преклоняющееся перед заграничной культурой и наукой, осталось равнодушным к выдающимся изобретениям русского ученого.

Всеми забытый, больной, без средств к существованию, возвратился в 1894 году П. Н. Яблочков в Саратов. Здесь он вскоре умер в одиночестве.

Но советский народ не забыл своего выдающегося сына. В 1947 году вся страна отмечала столетие со дня его рождения. Советское правительство учредило премию имени П. Н. Яблочкова в размере 20 тысяч рублей, которая каждые три года присуждается президентом Академии наук СССР за лучшие труды по электротехнике и светотехнике.

В Саратове Яблочкову будет сооружен памятник, имя его присвоено одной из центральных улиц города (быв. М. Казачья) и электромеханическому техникуму.

В Саратовской губернии родился Григорий Антонович Захарьин (1829—1897 гг.), виднейший русский врач-клиницист.

Семь лет Захарьин учился в саратовской гимназии. Затем он поступил в Московский университет, где последние 35 лет своей жизни был профессором и директором терапевтической клиники. Жизнь Г. А. Захарьина была целиком посвящена служению отечественной медицине.

В 60-х годах прошлого века среди передовой интеллигенции России большой популярностью пользовалось имя одного из выдающихся деятелей революционной демократии — Григория Евлампиевича Благосветлова (1824—1880 гг.).

Среднее образование Г. Е. Благосветлов получил в Саратове. Он учился здесь сначала в духовном училище, а затем в семинарии. Благосветлов был другом А. И. Герцена и воспитателем его детей. В 1859 году Благосветлов стал во главе демократического журнала «Русское слово».

За резкие нападки на политику царизма правительство закрыло в 1866 году «Русское слово», а Благосветлова заключило в Петропавловскую крепость. По выходе из крепости он фактически руководил журналом «Дело», был негласным редактором журнала.

К старшему поколению талантливых выходцев из Саратова принадлежит Иринарх Иванович Введенский (1813—1855 гг.) — переводчик, критик и педагог. Он родился в городе Петровске, Саратовской губернии. В 1830 году Введенский поступил в только что открывшуюся саратовскую духовную семинарию, которую окончил в 1834 году. По окончании Петербургского университета он сотрудничал во многих общественно-литературных журналах.

Широкую известность Иринарх Введенский приобрел как первый переводчик Диккенса. Ему же принадлежат лучшие для того времени переводы романов Теккерея и Ф. Купера.

В Петербурге вокруг Введенского группировался кругок революционно настроенной интеллигентной молодежи. У него на квартире собирались петрашевцы. Частым гостем здесь был студент Н. Г. Чернышевский.

В Саратове родился и окончил гимназию двоюродный брат и друг детства Н. Г. Чернышевского Александр Николаевич Пыпин (1833—1904 гг.), русский ученый, видный исследователь русской литературы, русского языка и фольклора.

Академик Пыпин написал ряд больших работ: четырехтомную «Историю русской литературы», четырехтомную «Историю русской этнографии», «Белинский, его жизнь и переписка», «Крылов и Радищев», «М. Е. Салтыков», «Н. А. Некрасов», «Общественное движение в России при Александре I» и многие другие.

А. Н. Пыпин был противником теории «чистого искусства». Он считал, что литература есть выражение народного самосознания. Однако, пытаясь оценить значение литературного наследства Белинского и Чернышевского, Пыпин замалчивал революционно-демократическое содержание их работ.

Уроженцем Саратова является глава русских ботаников С. Г. Навашин (1857—1930 гг.). Он учился в саратовской гимназии и окончил ее в 1874 году.

Поступив в Петербургскую медико-хирургическую академию, С. Г. Навашин много работал в лаборатории профессора химии и крупнейшего русского композитора А. П. Бородина. Между Бородиным и молодым студентом возникла крепкая дружба, продолжавшаяся до самой смерти великого композитора.

Профессия врача мало привлекала С. Г. Навашина. Он покинул академию и поступил в Московский университет, где занимался химией под руководством выдающегося русского химика Морковникова. В Москве С. Г. Навашин встретился с молодым тогда ученым Клементом Аркадьевичем Тимирязевым. По окончании университета он стал работать у Тимирязева ассистентом сначала в университете, а затем в Петровской (ныне Тимирязевской) академии. Под влиянием К. А. Тимирязева Навашин увлекся ботаникой. Через несколько лет появились его первые научные работы в этой области.

Петровская академия славилась не только выдающимися профессорами, но и революционностью студенчества. В 1883 году царское правительство временно закрыло академию, уволило всех студентов, чтобы набрать новых, «благонадежных».

В знак протesta группа профессоров ушла из академии. Ушел и К. А. Тимирязев. Вместе с ним покинул академию и молодой Навашин и вскоре поступил доцентом в Петербургский университет.

В 1894 году С. Г. Навашин получил место профессора в Киевском университете и через два года защитил докторскую диссертацию. В Киеве он проработал непрерывно (если не считать путешествия на остров Яву) около 20 лет. Здесь он выполнил ряд научных работ. Открытие Навашиным двойного оплодотворения у некоторых семенных растений принесло ему мировую научную славу. С 1923 года он возглавлял Государственный биологический институт имени К. А. Тимирязева в Москве.

За свою долгую жизнь С. Г. Навашин напечатал 105 научных трудов, многие из которых вошли в золотой фонд науки о жизни растений и приумножили мировую славу русской и советской биологии. Научные заслуги С. Г. Навашина были высоко оценены Академией наук СССР, избравшей его своим действительным членом.

САРАТОВ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА

Развитие капитализма привело к глубоким изменениям в жизни Саратова. Город быстро рос и развивался. Мелкие полукустарные и кустарные мастерские уступали место крупным предприятиям с паровыми двигателями и сотнями рабочих. Происходила концентрация производства.

Самой крупной отраслью саратовской промышленности становится мукомолье. Находясь в центре огромного хлебородного края, на удобных торговых путях, Саратов быстро выдвигается как важнейший производитель товарной муки. Крупнейшие саратовские мукомолы в 40—50-х годах прошлого века владели лишь небольшими водяными мельницами. Но в 1865 году в Саратове открывается первая паровая мельница и вскоре один за другим появляются крупные мукомольные заводы. К 1890 году в городе было уже 11 больших паровых мельниц.

Постепенно все производство товарной муки стало сосредоточиваться в руках нескольких крупнейших заводчиков. Самая крупная саратовская мельница накануне первой мировой войны производила 20 тысяч пудов муки в сутки. Две другие большие мельницы выпускали в сутки 36 тысяч пудов муки. На этих двух мельницах работало 500 рабочих, а всего в мукомольной промышленности города было занято более 1500 человек.

К началу текущего века по объему мукомольного производства Саратов занял первое место в России. Здесь ежегодно производилось более 10 миллионов пудов муки. Отсюда она вывозилась в Москву, Петербург, в страны Западной Европы.

Второе место в саратовской промышленности занимало производство растительных масел. В 1850 году были открыты первые, по тем временам большие маслобойные заводы, на которых отжимка масла производилась с помощью паровых прессов.

По производству растительных масел Саратов также начал выходить на одно из первых мест в стране. В 1864—1867 гг. отсюда отправляется ежегодно в Москву, Петербург и в центральные промышленные районы 300 тысяч пудов одного только подсолнечного масла.

Накануне первой мировой войны в городе было 10 маслозаводов, на них производилось более миллиона пу-

дов различных масел. Самый крупный из них (ныне маслозавод № 1) давал около половины всей продукции этой отрасли промышленности города.

В Саратове было также много мелких предприятий, перерабатывающих растительные и животные продукты: мыловаренных, кожевенных, овчинных, винокуренных, пиво- и солодоваренных. Всего таких предприятий насчитывалось больше 70. В подавляющем большинстве это были карликовые полукустарные и кустарные мастерские, на которых работало от 2 до 10 рабочих. На 7 канинских фабриках, например, трудились 14 рабочих, а овчинаный завод выпускал товаров лишь на 300 рублей в год.

Металлообрабатывающая промышленность в Саратове развивалась медленно. В 1842 году появился первый небольшой механический завод. На заводе работало 40 рабочих, действовал паровой двигатель и 35 станков. Через 20 лет был основан второй такой же завод. Позднее, уже в 70-х годах прошлого века, возникло несколько металлообрабатывающих и чугунолитейных предприятий, металлоремонтных, литейных и слесарных мастерских.

В конце XIX века в городе появились первые крупные металлообрабатывающие предприятия — машиностроительный завод Беринга (1888 г.), Волжский чугунолитейный (1899 г.), гвоздильно-проволочный завод Гантке (1897 г.), судостроительный завод Бари, новые чугунолитейные предприятия. Все они изготавливали оборудование для мельниц, маслобойных и винокуренных заводов; для пароходов, ремонтировали машины и земледельческие орудия. На заводах Гантке и Беринга работало до 400 рабочих на каждом.

Это хотя и слабое развитие металлообрабатывающей промышленности имело большое значение, — в Саратове начали формироваться первые отряды промышленного пролетариата, те отряды, которые в дальнейшем встали во главе революционной борьбы саратовских трудящихся против царизма и капитализма.

Кроме предприятий пищевой и металлообрабатывающей промышленности, в городе появляются кирпичные и деревообделочные заводы, типографии.

В 1882 году на Улешах была сооружена крупная нефтебаза, а при ней небольшой завод по переработке нефтепродуктов.

С развитием капитализма в стране перевозки грузов и пассажиров по великому волжскому пути непрерывно возрастают. В 1884 году по Волге уже ходило 650 пароходов (первый пароход на Волге появился в 1838 г.). Вызванное к жизни потребностями развивающейся промышленности и торговли пароходство, в свою очередь, ускорило рост и развитие волжских торгово-промышленных городов.

Большое значение для Саратова имело также развитие железнодорожного транспорта. В 1871 году закончилось строительство железной дороги, соединившей Саратов через Тамбов и Козлов (Мичуринск) с Москвой и московским промышленным районом. В дальнейшем эта Тамбово-Саратовская дорога была продолжена до Уральска и Астрахани и получила название Рязано-Уральской. В 1878 году Управление дороги переводится из Петербурга в Саратов. Здесь, на Музейной площади, акционерное общество, владеющее железной дорогой, строит для управления огромное пятиэтажное здание, сохранившееся до наших дней. На товарной станции создаются крупные железнодорожные мастерские, в которых к 1905 году работало до 1500 человек.

Через Саратов перевозились огромные массы грузов. Торговые обороты города достигали таких размеров, о каких мечтать не могли саратовские купцы за два-три десятилетия до этого.

В 60-х годах прошлого века на саратовскую пристань прибывало в год не более 5—6 миллионов пудов товаров. В 1880 году эта цифра выросла до 35 миллионов пудов, а к началу XX века — до 60 миллионов пудов. Из года в год росли перевозки по Рязано-Уральской дороге.

Главным предметом саратовской торговли становится хлеб. Саратовские купцы ежегодно закупали и продавали около 10 миллионов пудов зерна. В то же время Саратов стал крупнейшим посредником в торговле нефтяными продуктами.

Тысячи рабочих с утра до вечера грузили и разгружали баржи, пароходы, железнодорожные вагоны и платформы. Никакой механизации тяжелых погрузочно-разгрузочных работ не было. Всегда имелась в избытке дешевая рабочая сила. Поэтому предприниматели и купцы не заботились о механизации, находя более выгодным и менее хлопотным пользоваться услугами грузчиков.

Ежегодно в поисках заработка в город приходило до 60 тысяч крестьян-сезонников из Пензенской, Тамбовской и Саратовской губерний.

В конце XIX века в экономике России, как и в странах Западной Европы и в Америке, явственно обнаруживаются признаки, свидетельствующие о переходе капитализма в высшую и последнюю стадию своего развития — в стадию империализма.

Эти изменения нашли отражение и в хозяйственной жизни Саратова. Торгово-промышленные обороты здесь стали достигать десятков миллионов рублей. Оптовую торговлю важнейшими товарами и, прежде всего, хлебом забирали в свои руки акционерные компании, центры которых находились в Саратове, Москве, Петербурге, Берлине, Париже, Лондоне.

Торговлю бакинской нефтью и нефтяными продуктами по всей Волге сосредоточивает в своих руках товарищество «Нобель». Саратов становится крупным перевалочным пунктом и одной из торговых баз этой компании. Горючее и минеральные масла из саратовских складов направлялись в Германию, Бельгию, Швецию и другие европейские страны.

Пассажирские и товарные пароходы перешли в руки немногих акционерных компаний — «Кавказ и Меркурий», «Самолет» и другие. Рязано-Уральская железная дорога была сдана в аренду акционерам-капиталистам. В Саратове появилась торговая биржа, 10 банков, много коммерческих контор.

Все это говорит о том, что решающую роль в хозяйственной жизни приобретают монополистические объединения капиталистов, типичные для эпохи империализма.

* * *

Местная и центральная печать все чаще начинает называть Саратов «столицей Нижнего Поволжья».

За 36 лет, прошедших после падения крепостного права (с 1861 по 1897 г.), население города удвоилось и составляло 137 тысяч человек. А в 1907 году оно достигло уже 209 тысяч жителей. Саратов вырос в первый по величине город в Среднем и Нижнем Поволжье.

Население города росло. Из деревень Симбирской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской губерний в крупный

торгово-промышленный центр приходило множество разо-
рившихся крестьян. Здесь они оседали, устраивались на
работу, перевозили семьи, непрерывно пополняя число
городских жителей. В 1897 году «пришлый элемент» со-
ставлял 60 процентов ко всему числу населения, а через
десять лет — 80 процентов.

Саратов разрастался вширь. Теперь домишки город-
ской бедноты все выше и выше взираются на горные
склоны. На окраинах возникли большие слободки —
Очкино (район железнодорожных мастерских), Агафо-
новка и другие.

В городе насчитывалось свыше 17 тысяч домов (из
них около 3 тысяч каменных), около 3 тысяч магазинов
и лавок.

В центральных районах города выросли многоэтаж-
ные, с большими зеркальными окнами здания банков,
комерческих контор, магазинов, учебных заведений.
В архитектуре этих зданий преобладал стиль «модерн
XX век» — серый тон, большие зеркальные окна, наверху
фигуры львов и мифических чудовищ, в нижнем этаже —
магазины и конторы.

Саратовские заводчики и купцы понастроили в это
время много домов в декадентском вкусе, свидетельству-
ющем об упадке и разложении буржуазной культуры и
искусства. Примером этого стиля может служить торго-
вой дом Бендера на углу современных Радищевской и
Первомайской улиц.

На главных улицах появилось несколько больших
многоэтажных гостиниц — «Россия», «Московская»,
«Астория», благоустроенные многоквартирные дома круп-
ных предпринимателей-домовладельцев. Жили в них наи-
более обеспеченные представители буржуазной интелли-
генции — чиновники, известные врачи, инженеры. Не-
сколько центральных улиц было покрыто асфальтом.
Наиболее богатые дома освещались электричеством,
имели водопровод, телефон, паровое отопление. «Цен-
тральная часть, — сообщал «Адрес-календарь. Весь Са-
ратов 1911 г.», — производит своим благоустройством, и
даже нарядностью, весьма благоприятное впечатление».

Саратовские заводчики, крупные торги и помещи-
ки стремились придать городскому центру «европейский»
вид, устроить все, как в «просвещенной Европе».

Но, как известно, города «просвещенной Европы» и
«просвещенной Америки» знамениты не только своим
благоустроенным центрами, где в роскоши живут бога-
чи. Они знамениты также страшными трущобами, окраи-
нами, где в нищете, в ужасных бытовых условиях ютится
городская беднота, руками которой созданы роскошь и
великолепие городских центров. Саратов развивался именно по этому «образу и подобию».

Авторы упоминаемого «Адреса-календаря», расхва-
ливая «столицу Поволжья», вскользь замечали: «Город с
двух сторон прорезывался двумя большими оврагами с
разветвлениями. Прилегающая к ним местность густо
заселена беднейшими обывателями, лишенными, можно
сказать, самых элементарных условий человеческой
жизни».

О состоянии города и жизни городской бедноты более
определенno высказался журнал либеральной интелли-
генции «Саратовец», издававшийся в 1909 году: «...вся-
кому даже поверхностному наблюдателю бросается в
глаза при обозрении города, что, например, окраины го-
рода совершенно лишены внимания муниципальных дея-
телей, — здесь мостовые — редкое исключение, так же,
как и десятилинейный фонарь, отстоящий от другого на
75 сажен! Жилища окраинных жителей нечто ужасное;
при взгляде на них сжимается сердце, становится боль-
но и обидно за человека»¹.

Писалось это в период черной столыпинской реакции,
когда каждое правдивое слово преследовалось, как по-
пытка «ниспровержения основ». «Саратовец» был вскоре
закрыт.

«Саратов передо мной как живой: ухабистый, гряз-
ный, покрытый заплатами в виде роскошных домов сре-
ди массы лачужек и хибарок...» — писал один из мест-
ных литераторов о старом Саратове.

Главной улицей Саратова попрежнему оставалась
Московская. Она тогда уже тянулась от Волги до совре-
менной улицы С. Разина и оканчивалась обширной Мос-
ковской площадью. Здесь в конце прошлого века нахо-
дился Сенной базар, где торговали сеном, дровами и раз-
ной дешевой снедью. Летом здесь была то густая пыль,
то непролазная грязь. По краям площади располагались

¹ «Саратовец» № 51, 1909 г.

солдатские казармы, махорочная фабрика и один из многих саратовских ночлежных домов, где ютились босые, нищие, бродяги и безработные.

Вот что писал о «ночлежках» саратовский врач Матвеев: «Переполнение домов настолько сильно, что ночлежники спят вповалку, плечом к плечу, и тем не менее места не хватает. Сплошь и рядом в грязи, в полной темноте, на холодном полу валяется ночлежник, на четырехъярусках лезет он под нары, чтобы лечь там, где-то в глубине, в сыром и смрадном углу. Случается, что ночующий заберется туда и лежит пластом сутки, а то и двое, стараясь не шевелиться, чтобы всякими лишними движениями не увеличивать чувства голода». Как поразительно похоже это на описание ночлежных домов в современной Америке.

Большую часть площади, где теперь высятся огромные корпуса новых зданий, занимали многочисленные балаганы, карусели, палатки. Здесь было отведено место для гуляния «простой публики». Яркое описание этой площади дал К. Федин в романе «Первые радости».

Позже Сенной базар был перенесен подальше от главной улицы, туда, где ныне помещается Центральный колхозный рынок.

В 1909 году на Московской площади началось строительство университетских зданий.

В 1887 году в Саратове была устроена городская конно-железная дорога. По Московской улице прошла одна из первых ее линий. В 1909 году «конку» сменили грамваи.

Самой оживленной частью Московской улицы были кварталы от Вольской до Радищевской (раньше называвшейся Никольской). Здесь находились: типография, редакция одной из саратовских газет (ныне редакция и издательство газеты «Коммунист»), «Номера для приезжих», четырехэтажная гостиница «Московская», длинные ряды железо-скобяных, бакалейных и хозяйственных магазинов и лавок, харчевни, кабаки, постоянные дворы, городская биржа (теперь здание исторического факультета университета), громадное здание окружного суда (ныне Суворовское училище). Весь этот район назывался «хлебным базаром» — по имени одного из главных городских рынков, который находится здесь и в наши дни.

Старый Саратов. Угол современных Ленинской и Октябрьской улиц до революции.

На прилегающих к этому району улицах помещались многочисленные коммерческие конторы, агентства, представительства, банки, магазины и т. д.

Дальше к Волге на Московской улице выделялись дом дворянского собрания, где происходили заседания саратовского земства, и четырехэтажный красный дом городской Думы (на углу теперешних улиц им. Ленина и Октябрьской).

На площади у здания городской Думы возвышалось три церкви. Всего в Саратове тогда имелось 60 церквей. Полторы тысячи священников и других служителей церкви, используя темноту и невежество народных масс, одурманивали сознание людей. Церковь выполняла заказ господствующих классов — держать в страхе и повиновении трудящихся.

У здания Думы Московская улица входила в район старого Саратова. Тут многое носило еще отпечаток старины. Большинство домов имело архитектуру первой половины XIX века — толстые стены, узкие окна, нередко с массивными железными решетками. И вправо и влево отходили кривые, ухабистые переулки с ветхими, потемневшими от старости строениями. Была еще цела и часть каменного гостиного двора.

На Старособорной (Музейной) площади, больше чем где-либо в другом месте, сохранились столетние здания — немые свидетели старины.

Ярким контрастом всей этой старине среди площади возвышалось огромное, без архитектурных украшений здание Управления Рязано-Уральской железной дороги. Многоэтажная громада символизировала собою угрюмую поступь века капитализма.

Если Московская улица была по преимуществу «деловой», то другая главная улица прежнего Саратова — Немецкая (ныне им. Кирова) являлась «Невским проспектом столицы Поволжья», как называли ее местные литераторы.

На этой улице сосредоточились шикарные магазины мод, дорогие гостиницы, фотографии, рестораны, кафе, редакции двух саратовских газет. Здесь толпилось множество хорошо одетых, праздных людей.

Немецкая улица заканчивалась так называемым Митрофаньевским базаром — замусоренной и занавоженной площадью, где стояли полуразвалившиеся деревянные лавки, дешевые кабаки и «поливные». Это был центральный продуктовый базар — «чрево Саратова», — грязный и пыльный.

В 1914—1915 гг. на этой площади был построен «Крытый рынок» — громадное и лучшее торговое здание города.

Главный заводской район города находился на его юго-западной окраине, между товарной станцией и берегом Волги.

Здесь, на нынешней улице Чернышевского, вдоль берега реки уже в конце XIX века выросли огромные многоэтажные корпуса мельниц. В этом же районе находилось много различных промышленных предприятий от карликовых мастерских с 3—5 рабочими, до крупных заводов, таких, как завод Гантке (теперь завод им. Ленина), железнодорожные мастерские, нефтебаза.

Через этот район от товарной станции к парому на берег Волги проходила железнодорожная ветка.

Около заводов, на узких, кривых улицах, как и на «горах», лепилось множество жалких хибарок, в которых ютились семьи рабочих. Ни о каком благоустройстве этих улиц никто и не думал. Нищета и болезни были здесь обычными, повседневными явлениями.

Набережная дореволюционного Саратова. Бабушкин взвод.

За заводом Гантке город оканчивался. Там, где в наши дни раскинулся один из главных промышленных районов города, с огромными заводскими и жилыми зданиями, с широкими асфальтированными магистралями, клубами, кинотеатрами, больницами, школами, — до революции были огороды, пустыри, овраги, заваленные мусором, обширные городские свалки.

Санитарное состояние города продолжало оставаться плачевным. Построенный в 1874 году водопровод обслуживал только центральную часть города. Акционерная компания капиталистов-иностранцев, владевшая водопроводом, для увеличения прибылей начала разрушать старые деревянные желоба, по которым вода шла из родников Лысой горы. Городская беднота вновь была принуждена пользоваться водой из грязных ручьев и неочищенной волжской водой. Еще хуже обстояло дело с канализацией.

Царское правительство не только не отпускало средств на благоустройство города, но еще и забирало 25 процентов городского бюджета на содержание полиции и жандармерии.

В городе попрежнему свирепствовали эпидемии заразных болезней. В обзоре городского общественного управления за 1905—1908 гг. говорилось: «...среди заразных болезней выдающуюся роль играет возвратный тиф, никогда не исчезающий в Саратове... Почти ежегодно эпидемия скарлатины уносит сотни жертв; брюшной и сыпной тифы не переводятся, часто давая вспышки эпидемий; дифтерит и круп за последние три года дали сотни заболеваний...»

«Прилив из деревень безработных, заполняющих чрезвычайно дурно содержимые ночлежки, — писал городской обозреватель журнала «Саратовец» в 1909 году, — недостаточность водопровода, отсутствие канализации, частые ветры, несущие пыль с незамощенных городских улиц и площадей, крайняя загрязненность почвы, наконец, большие овраги — Глебучев и Белоглинский, перерезывающие город, — вот главные, бросающиеся в глаза причины высокой заболеваемости и смертности населения Саратова¹.

На каждую тысячу жителей в Саратове умирало ежегодно 40 человек. И это в «нормальные» годы. Но таких лет было немного. Эпидемии холеры, оспы, тифа и даже чумы возникали часто и уносили тысячи жизней. Особен но велика была смертность среди детей. Из 100 новорожденных уже в возрасте до одного года умирало 37 человек, а общая средняя смертность среди детей составляла 44 процента. Половина всех детей города была обречена на смерть.

Голод, нищету, безработицу, эпидемии, преждевременную смерть — вот что нес капитализм трудящимся. Тяжков этот «лучший в мире порядок», как и поныне нагло называют его продажные слуги буржуазии.

* * *

В капиталистическом Саратове образование для трудящихся было, как и раньше почти недоступным. В конце прошлого века из 18 тысяч детей школьного возраста 6 тысяч совсем не учились в школе. Город не имел средств на оплату труда учителей и содержание учебных зданий. В 1913 году расходы на народное просвещение в

России составляли всего 80 копеек на одного жителя в год.

Но если детям рабочих трудно было получить начальное образование, то в среднюю школу путь для них был в сущности совершенно закрыт. Чтобы учиться в гимназии, надо было платить за обучение 100—120 рублей, что составляло около половины годового бюджета рабочей семьи.

Неудивительно поэтому, что в Саратове в начале нынешнего столетия было только 8 средних школ нормального типа — 2 мужских и 4 женских гимназии и 2 реальных училища. В них училось всего около 5 тысяч детей дворян, купцов, чиновников, духовенства, кулаков.

Большая часть населения города оставалась неграмотной.

Высшее образование в царской России было не в почете. Об отношении правящих кругов страны к развитию высшего образования лучше всего говорит история старейших саратовских вузов — Университета и Сельскохозяйственного института.

В конце 50-х годов прошлого века в кружке передовых саратовских интеллигентов, учеников Н. Г. Чернышевского, зародилась мысль о создании в городе университета. После длительных и настойчивых хлопот в конце 1860 года губернское дворянское собрание решило поддержать почин интеллигенции.

Но и после этого хлопоты об открытии Саратовского университета тянулись 60 лет. За эти годы много раз выносились постановления, писались «верноподданнические просьбы», ходатайства и обращения к правительству, но бесполезно. Царское правительство смотрело на высшие учебные заведения как на рассадники революционных идей. Такого же взгляда придерживались многие «деятели» губернского земства и городской Думы. Гласный (депутат) дворянин Павлов говорил: «Кто будет учиться в новом университете? «Улица», та самая «улица» города Саратова, которая является врагом общества и государственности... Какой же вы хотите университет?»

Еще более определенно высказывался гласный, помощник Кинляков: «Вправе ли мы надеяться, что не будет у нас больше всех этих безобразий революции? Вот вопрос. Я думаю, что мы никогда не доживем до этого, и не университет у нас будет, а такое же безобразие. Я против

¹ «Саратовец», № 51, 1909 г.

открытия университета в Саратове. Мы страдаем от университетов по всей России, а еще будет один и у нас в Саратове».

В 1907 году комиссия министерства просвещения под руководством известного палеонтолога профессора Амалицкого приехала в Саратов и разработала проект создания университета в составе четырех факультетов: медицинского, физико-математического, юридического и историко-филологического. Только через год дошел этот проект до министра просвещения черносотенца Шварца.

Естественно-научные и тем более гуманитарные факультеты считались опасными рассадниками материализма, безбожия и революционной «крамолы». Поэтому министр просвещения решил сохранить в проекте всего лишь один, «наименее опасный», по его мнению, факультет — медицинский. Министра ничуть не смущало то, что учебное заведение с одним факультетом нельзя считать университетом.

Прошел еще год, и лишь 10 июня 1909 года появился государственный «Закон об учреждении Университета в городе Саратове». 6 декабря 1909 года в саратовском городском театре состоялось открытие университета. Было произнесено много речей, зачитаны приветствия от всех русских и более чем 15 заграничных университетов.

В письме саратовцев-студентов московских высших учебных заведений говорилось: «Тяжелый, тернистый путь лежит к достижению стоящей перед вами цели; а цель эта великая, святая — найти истину, правду, справедливость... но не забывайте найденное отдать тому народу, который послал вас сюда».

Город передал университету двухэтажное здание на углу нынешних улиц Радищева и Чернышевской. Здесь разместились аудитории, две лаборатории и четыре учебных кабинета. Канцелярия и библиотека (которая имела всего две тысячи семисот книг) помещались отдельно.

В первый набор в университет было принято 92 человека. Среди студентов не было ни одного выходца из рабочих и трудящихся крестьян. Женщин учиться не принимали. Политика строгого классового отбора студентов проводилась и в последующие годы.

На второй год после открытия университета талантливый казанский архитектор К. Л. Мюфке начал строить университетские здания. Вместо семи запроектированных

корпусов университетского городка за семь лет с трудом удалось построить только четыре. К чести архитектора, надо отметить, что эти корпуса великолепны. Большие, удобные, с богатыми архитектурными украшениями, они до сих пор являются одними из самых красивых зданий города, его достопримечательностью.

В университете собрался сильный профессорский коллектив. Кафедрой общей патологии руководил А. А. Богомолец, впоследствии президент Академии наук Украинской ССР. Кафедру госпитальной хирургической клиники возглавлял С. И. Спасокукоцкий, виднейший русский хирург, впоследствии действительный член Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии, своими замечательными работами умноживший мировую славу советской медицины. В те же годы начал свою многолетнюю работу в Саратове другой выдающийся русский хирург — С. Р. Миротворцев. В Саратовском университете он читал лекции, ряд лет работал ректором и с 1920 по 1949 год заведовал факультетской хирургической клиникой.

В университете работали профессор В. В. Челинцев — глава саратовской школы химиков-органиков, профессор Д. Е. Янишевский, известный геоботаник, учитель целого поколения саратовских ботаников, и другие.

Но развивался университет слабо. Многие годы он имел всего один факультет — медицинский. В дореволюционный период из его стен вышло всего 222 врача.

Действительный расцвет саратовского университета наступил только в годы Советской власти, когда и наука и все достижения культуры стали достоянием народа.

С открытием Сельскохозяйственного института произошла та же история, что и с университетом. Правящим кругом царской России институт казался затеей не только излишней, но опасной и вредной. Хлопоты об его открытии тянулись 16 лет.

Лишь в 1913 году министерство земледелия дало согласие на открытие в Саратове сельскохозяйственных курсов и отпустило на их нужды... 15 тысяч рублей.

Первый год курсы находились в доме санитарного общества, затем были переведены в частный дом. Существовали они на взносы учащихся, на пожертвования частных благотворителей и личные средства агрономов-организаторов.

Училось здесь немногим больше 100 человек. Как и в университете, подавляющее большинство курсантов составляли дети дворян, купцов, чиновников, духовенства. В 1913 году из 105 слушателей на курсах было только двое детей рабочих и ни одного выходца из бедных крестьян.

Так начал свою жизнь Саратовский сельскохозяйственный институт, превратившийся при Советской власти в одно из крупнейших учебных заведений по подготовке высококвалифицированных кадров для социалистического земледелия.

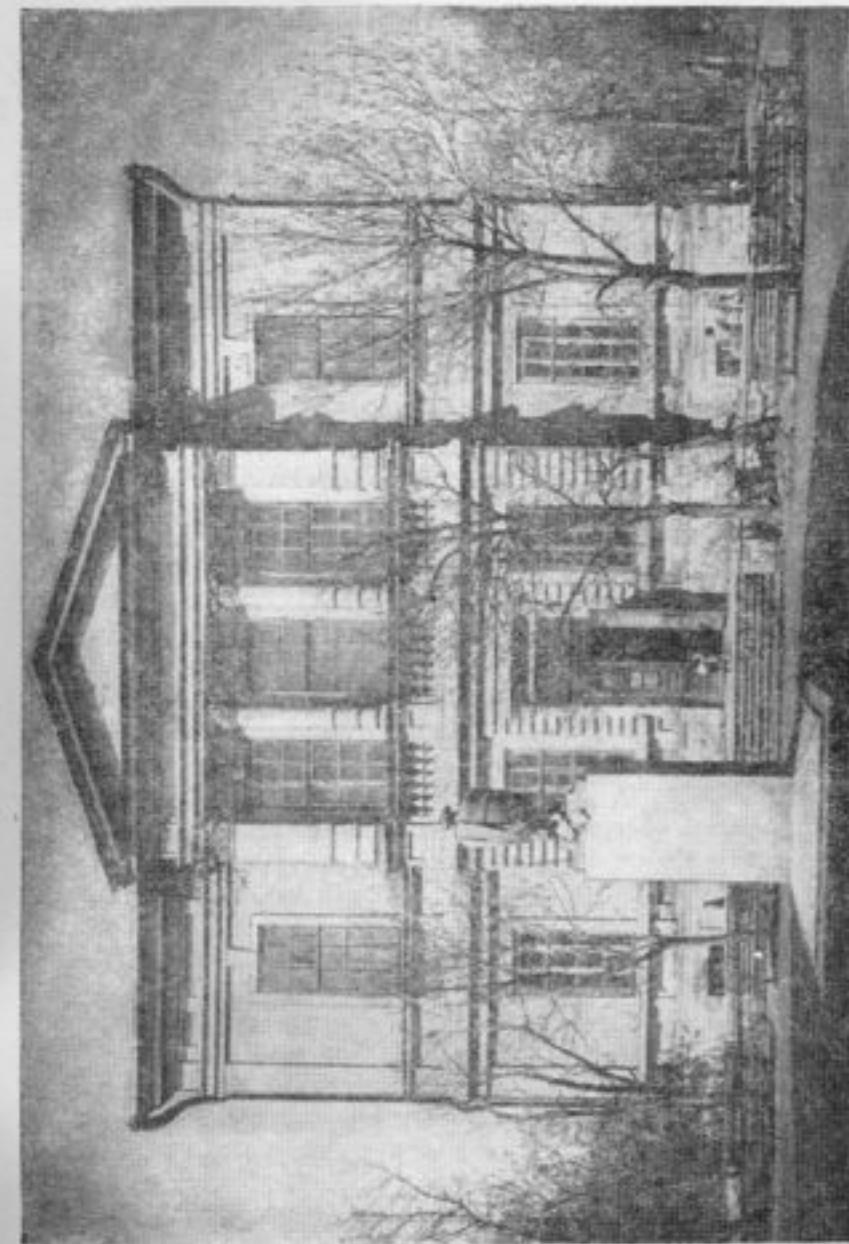
Несколько по-другому сложилась судьба третьего старейшего высшего учебного заведения — Консерватории. Начало развитию музыкального образования в городе было положено в 1873 году, когда открылись «музыкальные классы», преобразованные затем в училище. В Саратов приезжали крупнейшие композиторы, музыканты и артисты. Начиная с 70-х годов здесь гастролировали С. В. Рахманинов, А. Н. Скрябин, А. К. Глазунов, М. М. Ипполитов-Иванов, Н. Г. Рубинштейн, Л. В. Собинов, А. В. Нежданова и многие другие. В 1912 году музыкальное училище было преобразовано в Консерваторию.

Во всех трех высших учебных заведениях Саратова учились только выходцы из привилегированных сословий.

В 50-х годах прошлого века у художника Алексея Петровича Боголюбова — внука великого революционера-демократа А. Н. Радищева, возникла мысль организовать в Саратове художественный музей. Четверть века собирал он картины для будущего музея. Одновременно он упорно хлопотал о строительстве здания. Саратовская городская Дума отказалась помочь Боголюбову деньгами, и он взял все расходы на себя.

8 лет шли споры о месте, где строить музей. Гласные Думы требовали, чтобы здание было построено не в центре города, как хотел Боголюбов, а где-нибудь дальше от центра. Кроме того, они настаивали, чтобы в нижнем этаже музея находились магазины и биржевое ведомство.

В настойчивом стремлении создать в Саратове художественный музей Боголюбова горячо поддерживали передовые деятели русского искусства — И. Е. Репин, И. Н. Крамской, В. В. Стасов и другие. Великий русский

Художественный музей имени А. Н. Радищева

художник Репин, узнав от Боголюбова о его планах, писал В. В. Стасову: «Поддержать и развить искусство может только одно: народные музеи, которые следует основать во всех больших городах. Пока их не будет, не будет настоящего искусства».

После долгих мытарств 1 мая 1883 года состоялась закладка музея на Театральной площади. Через два года красивое высокое здание было готово. В залах музея разместили 4 вагона картин, собранных Боголюбовым и пожертвованных различными лицами. По настоянию Боголюбова музею присвоили имя А. Н. Радищева. В июне 1885 года музей был открыт. В первый день в его залах побывало 2700 человек.

В то время в России было всего две больших картинных галлерей: Эрмитаж и Третьяковская галерея — единственное в стране собрание картин русских художников. Радищевский музей был первым художественным музеем в провинции. Его называли «Поволжским эрмитажем».

В Саратове существовали еще два небольших музея: археологический и Общества естествоиспытателей. В них были собраны материалы, характеризующие древнюю культуру народов Поволжья, флору и фауну края. Эти коллекции вошли в фонды Областного краеведческого музея.

Как мы уже говорили, в 1816 году в Саратове был создан театр. Играли в нем крепостные актеры. Позже театр перешел в собственность городской Думы, которая сдавала его в аренду частным дельцам-антрепренерам. Среди них встречались владельцы магазинов, гостиниц и т. п.

Вот любопытный документ, адресованный в саратовскую городскую управу: «Прочтя в газете «Саратовского справочного листка» объявление Городской управы о вызове желающих снять городской театр на три года. Содержа долгое время буфеты при Саратовском театре и видя все столкновения антрепренеров с артистами, служившими и служащими, я невольно приобрел как опытность, так и любовь к сценическому искусству, которая в настоящее время вызывает меня сделать предложение Городской управе доставить мне возможность воспользоваться правами антрепренера на условиях, предложенных Городской управой.

Февраля 4-го дня, 1874 года. Саратовский купец Петр Иванович Шерстобитов».

Все эти дельцы-антрепренеры смотрели на театр как на предприятие, из которого при известной ловкости можно получить немалый доход. Духом наживы определялся и репертуар театра и отношение к актерам, большинство которых жило в постоянной тяжелой нужде.

В городе по сезону выступали оперные, драматические и опереточные труппы. Наряду с водевилями вроде «Муж не муж — не женатый и не холостой», здесь с большим успехом шли пьесы русских классиков — А. Н. Островского, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова и других.

В сезон 1893/94 года театр перешел в руки М. М. Бородая, режиссера-руководителя «Саратовско-казанского артистического товарищества». Во времена «товарищества» в Саратове полсезона выступала драматическая труппа, затем она уезжала в Казань, а оттуда на полгода приезжала оперная. Этот период был для театра весьма благопорядным. В драматической труппе Бородая начали артистическую деятельность такие известные артисты, как Кондрат Яковлев, О. А. Голубева, Павел Самойлов и великий русский артист Василий Иванович Качалов.

В Саратове Качалов выступал в 1897—1900 гг. Здесь он сыграл свою первую крупную роль — Бориса Годунова в драме Ал. Толстого «Смерть Иоанна Грозного». Отсюда в 1901 году он перешел в создаваемый Станиславским и Немировичем-Данченко МХАТ, где огромный талант Качалова раскрылся в полном блеске.

Труппа «Саратовско-казанского артистического товарищества» была выдающимся явлением в жизни русского театра. Только два города — Москва, где гремела слава Малого театра, и Киев с его «Соловцовским» театром — стояли тогда перед Саратовом.

Имея талантливый актерский коллектив, Саратовский театр ставил первоклассные художественные пьесы — «Дядя Ваня» А. П. Чехова, трагедию Софокла «Эдип», трилогию Ал. Толстого и другие.

Накануне революции 1905 года руководителем театра стал Н. И. Собольщико-Самарин — замечательный артист и режиссер, впоследствии Народный артист РСФСР. Он также подобрал первоклассную труппу, которая в

течение 6 лет с большим успехом выступала на саратовской сцене. Осуществленная Собольщиковым-Самариным постановка пьесы А. М. Горького «На дне» явилась крупным событием в общественной жизни города.

Интересна история возникновения Саратовского драматического театра им. Карла Маркса.

В 70-х годах прошлого века на том месте, где находится театр им. Карла Маркса, предпримчивый француз-парикмахер Сервье устроил увеселительный сад. Здесь, в деревянном театре, выстроенном в 1859 году, ставились оперетты, драматические пьесы.

На сцене этого театра началась театральная деятельность выдающихся русских артистов К. Варламова, В. Н. Давыдова, М. Г. Савиной. После смерти владельца дело заглохло, театр был заколочен, сад заброшен.

В 90-х годах жившие в Саратове старые народники братья Марковские задумали создать общедоступный «народный театр».

Открыть в те времена общедоступный театр было чрезвычайно трудно. К тому же Марковские считались «неблагонадежными». Пришлось пойти на хитрость. В Саратове тогда было много разных обществ. Некоторые из них играли прогрессивную роль, например общества естествоиспытателей, физико-медицинское, отделения всероссийского технического и музыкального обществ и другие, объединявшие лучшие научные и культурные силы города. Наряду с ними существовали и такие реакционные организации, как «Вегетариансское общество», «Братство святого креста», «Общество милосердия», «Общество призрения бедных» и т. п. Создавались подобные общества для обмана трудящихся: смотрите, мол, как денно и нощно думают о бедняках богатые и помогают им по мере сил своих.

Под вывеской одной из таких ханжеских, реакционных организаций — «Общество трезвой и улучшенной жизни» — летом 1897 года в помещении, выстроенном Сервье, был открыт «Общедоступный» театр. Успех первых спектаклей, хотя в них играли любители и два-три профессионала, превзошел все ожидания. Трудящиеся Саратова — рабочие близлежащих заводов, железнодорожники — стали постоянными и главными посетителями театра. С огромным успехом здесь шли пьесы

А. М. Горького, А. П. Чехова, А. Н. Островского и других русских классиков.

В 1902 году театр сгорел. Через несколько лет вместо него было выстроено новое, каменное здание на 1345 мест, сохранившееся до нынешнего времени.

Выходя из-под опеки «Общества трезвости», театр нашел талантливого руководителя в лице Собольщикова-Самарина.

Незадолго до первой мировой войны купец Очкин построил большое театральное здание (на нынешней Радищевской улице, против сада им. Горького; сгорело в 1919 году). Когда в городском театре шли драматические спектакли, у Очкина ставили оперы, и наоборот.

На протяжении всей истории русского дореволюционного театра вокруг него, как одного из мощных средств воспитания народа, шла ожесточенная борьба реакционных и прогрессивных сил общества. Особенно обострилась борьба вокруг театра в период революции 1905 года и столыпинской реакции.

Перед самой революцией 1905 года Собольщиков-Самарин поставил в Саратове шиллеровского «Вильгельма Телля». Как только на сцене произносилось слово «свобода», в зале раздавались дружные аплодисменты. Взвешенный губернатор запретил спектакль. В ответ на выпады реакции профсоюз металлистов города преподнес Собольщикова-Самарину благодарственный адрес за постановку пьес «На дне» и «Вильгельм Телль».

В годы реакции прогрессивным деятелям театра работать становилось все тяжелее. Собольщиков-Самарин вынужден был распустить труппу и уехать из Саратова. В дальнейшем саратовский театр, изменивший благородным реалистическим традициям русского искусства, стал приходить в упадок. От полного вырождения его спасла Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая невиданно широкие горизонты для творчества, решительно повернувшая искусство на службу народу.